П. П. Черкасов

Александр II и Наполеон III

Петр Черкасов

Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870).

«Товарищество научных изданий КМК»

2015

УДК 94(47).081:327(44)
ББК 63.3(2)522-6+63.3(4Фра)525-6

Черкасов П. П.

Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). / П. П. Черкасов — «Товарищество научных изданий КМК», 2015

ISBN 978-5-9907157-8-3

Поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг. открыло новую страницу в истории российско-французских отношений. Европа стала свидетелем неожиданного сближения вчерашних противников – России и Франции. В Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе всерьез опасались, что это сближение может привести к политическому союзу между молодым царем Александром II и императором французов Наполеоном III.Что лежало в основе сближения двух недавних противников, кто и по каким причинам – Александр или Наполеон – инициировал этот процесс, как развивались отношения между Россией и Второй империей после окончания Крымской войны, были ли реальные шансы на заключение союза двух стран, наконец, почему такой союз не состоялся?Эти и другие вопросы, входившие в повестку дня российско-французских отношений в период между Крымской и Франко-прусской (1870–1871 гг.) войнами, рассматриваются в книге, написанной по материалам дипломатических архивов Москвы и Парижа (около 200 архивных дел).Перед читателем предстает богатая портретная галерея монархов, лиц из их ближайшего окружения, министров и дипломатов разных уровней, причастных к развитию российско-французских отношений. Это – Александр II и Наполеон III, императрицы Мария Александровна и Евгения, великий князь Константин Николаевич и принц Наполеон-Жером, князь Горчаков и граф де Мории, граф Валевский и граф Орлов, граф Киселев и герцог де Монтебелло, барон Будберг и барон де Талейран-Перигор, граф Стакельберг и генерал Флери…Для историков и всех, кто интересуется отечественной и европейской историей.

УДК 94(47).081:327(44)

ББК 63.3(2)522-6+63.3(4Фра)525-6

ISBN 978-5-9907157-8-3

© Черкасов П. П., 2015
© Товарищество научных изданий
КМК, 2015

Содержание

От автора 7
Глава 1 9
Александр II 9
Наполеон III 17
Глава 2 33
Зондаж Наполеона III 33
Граф Орлов и барон Бруннов 39
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Пётр Черкасов
Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр французских исторических исследований

ACADEMIE DES SCIENCES DE RUSSIE
INSTITUT D'HISTOIRE UNIVERSELLE
Centre d'ertudes historiques françaises

Piotr Tcherkassov
Alexandre II et Napoléon III

Une alliance inachevee
(1856–1870)

Рецензенты
доктор исторических наук *О.В. Серова*
кандидат исторических наук *К.П. Зуева*

От автора

В истории дипломатических отношений между Россией и Францией со времени их установления в начале XVIII века постоянно проявлялись две противоположные тенденции – к взаимодействию и отчужденности. Наиболее ярко столкновение этих двух тенденций проявилось в середине XIX века, когда на завершающем этапе Крымской войны 1853–1856 гг. Европа стала свидетелем неожиданного сближения двух противников – России и Франции. В Лондоне, Берлине, Вене и Константинополе всерьез начали опасаться, что это сближение может привести к политическому союзу между молодым царем Александром II и императором французов Наполеоном III.

Что лежало в основе сближения двух недавних противников? Кто и по каким причинам – Александр или Наполеон – инициировал этот процесс? Как развивались отношения между Россией и Францией после окончания Крымской войны? В чем сходились и в чем расходились позиции Петербурга и Парижа, как в рамках двусторонних отношений, так и применительно к европейским проблемам той эпохи? Были ли реальные шансы на заключение союза двух стран? Наконец, почему такой союз не состоялся?

Эти и другие вопросы, составлявшие повестку дня российско-французских отношений в период между окончанием Крымской войны и началом Франко-прусской войны 1870–1871 гг., приведшей к падению Второй империи во Франции, рассматриваются в предлагаемой вниманию читателя книге. Она написана на материалах дипломатических архивов Москвы и Парижа. Внимательному изучению подверглись около 200 томов дипломатической переписки и других документов. В подавляющей массе содержащиеся в них материалы впервые вводятся в научный оборот.

В данной работе автор не ограничился исследованием собственно российско-французских отношений того времени Он попытался рассмотреть эти отношения в широком контексте европейской политики второй половины XIX столетия, проанализировать подходы России и Франции к ряду важнейших международных проблем изучаемой эпохи – таких как Восточный и Польский вопросы, процесс объединения Италии и Германии и др.

Совершенно осознанно автор в своем исследовании акцентирует внимание на роли личностей в российско-французских отношениях изучаемого 15-летнего периода, пытаясь показать конкретный вклад монархов и их ближайшего окружения в развитие политического диалога между Петербургом и Парижем, раскрыть специфический «почерк» российских и французских дипломатов, работавших на этом направлении. Отсюда и пристальный интерес к повседневной работе дипломатов разных уровней – послов, полномочных министров, поверенных в делах, советников и секретарей посольств.

Автор предлагает вниманию читателя галерею портретных зарисовок главных действующих лиц, вовлеченных в российско-французскую дипломатию 1850-1860-х гг. Это – Александр II и Наполеон III, императрицы Мария Александровна и Евгения, великий князь Константин Николаевич и принц Наполеон-Жером, князь Александр Михайлович Горчаков и граф Шарль Огюст де Мории, граф Александр Валевский и граф Алексей Федорович Орлов, граф Павел Дмитриевич Киселев и герцог Луи Наполеон де Монтебелло, бароны Филипп Иванович Бруннов, Андрей Федорович Будберг и Шарль Анжелик де Талейран-Пери-гор, граф Эрнест Густавович Стакельберг и генерал Эмиль Феликс Флери…

В завершение хотел бы выразить искреннюю признательность тем, кто, так или иначе, оказывал мне содействие в работе над этой книгой. Прежде всего, это относится к начальнику Архива внешней политики Российской империи Ирине Владимировне Поповой и заведующей читальным залом АВПРИ Алле Викторовне Абраменковой, к дирекции и сотрудникам Архива Министерства иностранных дел Франции. Особая моя благодарность – Администра-

ции Дома наук о человеке (Париж) и Посольству Франции в России за неоднократно предоставленную возможность работать во французских архивах и библиотеках. Я благодарен доктору исторических наук Наталии Петровне Таныпиной за возможность ознакомиться с публикацией переписки княгини Д. Х. Дивен и графа де Мории. Дружескую помощь при подготовке книги к изданию оказал мне Николя де Буйан де Лакост, Первый советник Посольства Франции в Москве. Всем им адресую мою сердечную благодарность.

Глава 1
Самодержавный либерал и император-социалист

Александр II

В полдень 17 апреля 1818 г. 201 пушечный выстрел известил жителей Москвы о важном государственном событии – рождении первенца-сына в семье великого князя Николая Павловича, брата императора Александра I. Поскольку и сам император, и его официальный наследник, великий князь Константин Павлович были бездетны, люди сведущие уже тогда могли предположить, что на свет появился будущий император. Правда, столь далеко весной 1818 г. заглядывали немногие. Радость по поводу прибавления в Императорской фамилии была тем большей, что рождение младенца пришлось на середину Пасхальной недели, когда весь православный люд в первопрестольной праздновал Воскресение Христово. Впоследствии биографы Александра II будут подчеркивать тот факт, что Царь-Освободитель, единственный после Петра Великого русский самодержец, родился именно в Москве, в архиерейском доме при древнем Чудовом монастыре в Кремле, а не в Санкт-Петербурге или в окрестных императорских резиденциях – Царском Селе, Павловске или Гатчине, как большинство его предшественников[1]. Это, конечно же, случайное совпадение будет трактоваться придворными историками как знак особой связи Александра II с тысячелетней российской монархией, к юбилею которой в 1866 г. он воздвигнет замечательный памятник в Великом Новгороде.

Спустя три недели после рождения, 5 мая 1818 г., в присутствии императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны (тетки и бабушки новорожденного) в Чудовом монастыре состоялось крещение младенца. Он был внесен в храм статс-дамой графиней Дарьей Христофоровной Дивен, супруг которой впоследствии станет одним из воспитателей Александра. Со стороны отца восприемником при крещении младенца был его дядя, император Александр Павлович, а со стороны матери – родной дед, король Пруссии Фридрих-Вильгельм III[2]. Совсем недавно, в июне 1817 г. король выдал свою дочь, Фредерику-Луизу-Шарлотту-Вильгельмину замуж за внука Екатерины II, великого князя Николая Павловича. Перейдя в православие, прусская принцесса стала именоваться Александрой Федоровной. Ко времени рождения у нее первенца-сына дочь прусского короля, еще не вполне освоилась в России, и по этой причине общалась с Александром на своем родном языке, ставшим для него первым, наряду с русским, на котором с ним говорил отец. Это уже потом юный великий князь освоит французский, английский и польский.

Близкое родство с Гогенцолернами станет первым камнем, заложенным в формирование основ политического мировоззрения будущего самодержца. Это родство, старательно поддерживаемое матерью с полного одобрения отца, последовательного приверженца союза с Пруссией, будет глубоко воспринято и усвоено Александром II, что найдет воплощение в его внешней политике. Даже в выборе государственного флага Российской империи он отдаст предпочтение цветам Гогенцоллернов – черно-желто-белому, отказавшись от красно-бело-

---

[1] Биография Александра II достаточно полно исследована в исторической литературе. См.: *Лягиенко Леонид.* Александр II, или История трех одиночеств. 2-е изд. доп. М., 2003; *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006; *Яковлев А.И.* Александр II и его эпоха. М., 1992; *Carrere d'Encausse Helene.* Alexandre II. Le printemps de la Russie. R, 2008. (Русское издание – *Каррер д'Анкосс Э.* Александр II. Весна России. М., 2010). См. также: Родина. Специальный выпуск. Александр II и реформы. 2014. № 4.

[2] Узнав о рождении внука, Фридрих-Вильгельм III пожаловал ему орден Черного орла, знаки которого были доставлены в Москву ко дню крещения Александра, а в начале июня 1818 г. прусский король лично явился туда в сопровождении двух сыновей – кронпринца Вильгельма и принца Карла.

бирюзового, введенного Петром Великим. Он оставит «голландский» триколор лишь для торговых судов российского флота. Но все это будет еще не скоро. А пока предстоял долгий процесс воспитания и обучения.

Вскоре после крещения двор возвратился в Петербург, с которым связаны первые жизненные впечатления Александра. Безусловно, самым запоминающимся для него стал день 14 декабря 1825 г., когда семилетнего мальчика, занятого в Аничковом дворце раскрашиванием литографической картинки, флигель-адъютант Кавелин по приказу вступившего на престол Николая Павловича срочно доставил в Зимний дворец, откуда его вынесли к выстроившемуся во дворе лейб-гвардии Саперному батальону, поддержавшему Николая I в день восстания части гвардейских полков. Император передал сына на руки георгиевским кавалерам, попросив их любить наследника-цесаревича, как сам он любит их, защитников престола и отечества. Воодушевленные доверием государя саперы с криками радости и восторга подходили к явно испуганному мальчику, чтобы прильнуть к его рукам и ногам. Александр навсегда запомнил этот день, когда решалась судьба не только его отца и всей династии, но и самой России.

А годом ранее юного великого князя передали из под надзора женского персонала, приставленного к нему матерью с момента рождения, на попечение капитана Карла Карловича Мердера, ветерана кампаний 1805 и 1807 гг., дежурного офицера 1-го кадетского корпуса. Он был выбран самим Николаем Павловичем, хорошо его знавшим и ценившим. Израненный в боях, суровый на вид капитан Мердер, оказался на редкость добрым человеком, приверженным гуманных и вместе с тем разумных методов воспитания. Шестилетний Саша быстро это оценил, и между ними установились доверительные отношения. Система занятий Мердера с его воспитанником приносила заметные результаты, о чем можно судить по дневниковым записям, которые аккуратно вел первый наставник будущего императора[3]. Великий князь был доволен успехами сына, который по достижении семи лет был произведен в корнеты с зачислением в л. – гв. Гусарский полк. Мундиру гвардейских гусар Александр сохранит верность до конца дней.

Когда мальчику исполнилось восемь лет, его отец, к тому времени уже император, решил приступить к более серьезному образованию наследника престола. К этому ответственному делу он привлек близкого ко двору поэта Василия Андреевича Жуковского, который разработал для цесаревича специальный учебный план («План учения»), над составлением которого он трудился более полугода. В основу образовательной системы Жуковский положил соединение собственно образования с воспитанием, подчинив учебу задаче усвоения учеником нравственных идеалов христианина и высокой миссии будущего государя. Сам Жуковский определил свою цель следующим образом – «образование для добродетели». Одновременно он вооружал своего воспитанника самыми современными к тому времени сведениями из разных областей знаний. Много усилий Василий Андреевич прилагал к тому, чтобы ослабить неблагоприятное по его убеждению влияние на наследника престола придворной и военной среды. Здесь ему нередко приходилось встречать непонимание императора, видевшего в сыне прежде всего военного человека, а потом уже гражданского администратора. Сам Николай Павлович буквально обожал военную среду и очень рано привил Александру любовь к плац-парадам. Однажды, находясь в гостях у своего деда в Потсдаме, одиннадцатилетний мальчик произвел настоящий фурор, когда лихо командовал на плацу, обнаружив детальное знание прусской шагистики. Василий Андреевич опасался чрезмерного увлечения своего царственного воспитанника военной муштрой.

Эти свои опасения в завуалированной форме он неоднократно высказывал императору, а более откровенно – императрице. В одном из писем он прямо поделился с ней опасением, что наследник престола может привыкнуть «видеть в народе только полк, в отечестве – казарму».

---

[3] «Дневник Мердера» был опубликован в журнале «Русская старина», 1885. Кн. 46, 47, 48.

Тем не менее, Жуковский вынужден был считаться с непреклонной волей императора и тягой самого цесаревича к военным экзерцициям, но при этом он умело закладывал в голову и душу своего воспитанника более важные, как он полагал, знания и убеждения.

Рано проявившиеся у Александра гуманные устремления, позднее оформившиеся в умеренно либеральное мировоззрение, позволявшее говорить о нем как о просвещенном самодержце-либерале, – в значительной степени результат воспитательной деятельности Жуковского.

К девятнадцати годам образование наследника-цесаревича в основном было завершено. Он получил необходимые знания по математике, физике, естественной и политической истории, географии, правоведению, статистике, основам политической экономии и православному катехизису. Военное дело Александр изучил как теоретически, так и практически, регулярно бывая на летних лагерных сборах. Он свободно говорил на четырех иностранных языках – немецком, французском, английском и польском. Последний был ему необходим как будущему польскому государю. И, разумеется, Жуковский дал своему ученику необходимые знания в области мировой и новейшей русской литературы. Природа наделила Александра художественным вкусом, развитым с помощью опытных учителей. Он хорошо разбирался в истории искусства и архитектуры.

Непосредственное знакомство со страной, которой ему предстояло управлять, наследник-цесаревич получил в ходе многомесячного путешествия по европейским и частично сибирским губерниям Российской империи, предпринятого в 1837 г. в обществе В.А. Жуковского и К.И. Арсеньева, своего учителя статистики и русской истории. Во время посещения Тобольска Александр встретился со ссыльными декабристами. По возвращении он ходатайствовал перед императором об облегчении их участи.

Год спустя, в 1838 г., наследник престола в сопровождении своего наставника, светлейшего князя Христофора Андреевича Ливена[4] и генерал-адъютанта графа Алексея Федоровича Орлова отправился в длительное заграничное путешествие по Западной Европе, побывав в Швеции, Дании, Германии, Швейцарии, Италии, Англии и Австрии. Повсюду Александр посещал достопамятные места – музеи, библиотеки, поля сражений. Большой интерес у будущего самодержца вызвало знакомство с деятельностью парламентов, существовавших уже во многих европейских государствах.

Александр очень хотел побывать во Франции, но император Николай исключил ее из маршрута путешествия, сославшись на недружественный характер его отношений с «фальшивой» монархией «короля-гражданина» Луи-Филиппа. Свою мечту увидеть тогдашнюю столицу мира – Париж – Александр осуществит лишь через тридцать лет, в 1867 г.

Во время заграничного путешествия произойдет важное событие в личной жизни цесаревича. В Германии он встретит и страстно влюбится в 15-летнюю принцессу Максимилиану Вильгельмину Августу Софию Марию, младшую дочь великого герцога Гессен-Дармштадтского. Отец поначалу не одобрил выбор сына, посчитав его мезальянсом. При европейских дворах ходили упорные слухи, будто настоящим отцом принцессы Марии, как и ее старшего брата, Александра, был вовсе не великий герцог, а камергер двора великой герцогини Гессенской барон фон Сенарклен де Граней. Будучи вынужден официально признать этих двоих детей, герцог Людвиг II предпочитал проживать вдали от них и своей неверной супруги. Тем не менее, он считал своим долгом обеспечить будущее Марии, хотя даже и не мечтал о такой партии для нее, как наследник русского престола.

Указанное обстоятельство, скорее всего, и смущало Николая I, но, поразмыслив, он согласился на этот брак. По всей видимости, император решил, что женитьба поможет сыну освободиться от «пагубной», по его мнению, привязанности Александра к юной фрейлине

[4] Князь Ливен умер в конце декабря 1838 г., когда они с наследником-цесаревичем находились в Риме.

Ольге Калиновской, на которой он даже намеревался жениться. Отправляя сына в европейское путешествие, Николай, среди прочего, хотел разлучить двух возлюбленных, устойчивая связь которых начала всерьез его беспокоить.

Расчет царя на то, что продолжительная разлука может быть лучшим лекарством от любви, в данном случае оправдался. Потосковав первое время по Ольге, Александр постепенно стал ее забывать, тем более что в путешествии, продолжавшемся целый год, ему встретилось множество красавиц, проявлявших откровенный интерес к самому завидному в Европе жениху. Русским наследным принцем всерьез увлеклась даже юная королева Виктория, незадолго до его приезда занявшая английский престол. Александр с первой же встречи произвел на нее столь сильное впечатление, что при дворе Ее Величества пошли разговоры о русском браке. Этому способствовали частые уединенные встречи молодых людей, не скрывавших взаимной симпатии, а, может быть, даже и чего-то большего…

Когда об очередном увлечении цесаревича узнал Николай Павлович, он приказал ему немедленно выехать из Англии. Перспектива видеть сына принцем-консортом британской короны никак не могла устраивать российского самодержца. Он напомнил Александру о гессен-дармштадтской принцессе, настоятельно порекомендовав ему нанести повторный визит великому герцогу Одним словом, государь пересмотрел свой прежний взгляд на казавшуюся ему мезальянсом женитьбу Александра на Марии.

Послушный сын последовал указанию строгого родителя и поспешил в Гессен-Дармштадт, где уже проявляли беспокойство в связи с затянувшимся отсутствием жениха. Вскоре состоялась помолвка, а через два года, в апреле 1841 г., молодые люди обвенчались. Дочь великого герцога, как этого требовали законы Российской империи, предварительно перешла в православие и стала именоваться государыней великой княгиней Марией Александровной. Наделенная от природы хрупким здоровьем, супруга наследника-цесаревича, тем не менее, родит ему шестерых сыновей (Николая, Александра, Владимира, Алексея, Сергея, Павла) и двух дочерей (Александру и Марию).

Привязанность к жене не помешает Александру, никогда не отличавшемуся постоянством, время от времени заводить короткие романы, пока в марте 1865 г. он, уже десять лет как император, не встретит 17-летнюю выпускницу Смольного института княжну Екатерину Долгорукову, которая станет женщиной его судьбы…

После завершения обучения и женитьбы сына император начал активно привлекать его к участию в делах управления государством. Он ввел его в Государственный совет и в Комитет министров, поручил присутствовать на заседаниях Финансового комитета. Когда в 1842 г. государь на месяц уехал из Петербурга, он впервые доверил наследнику управление текущими государственными делами, а вернувшись, с удовлетворением обнаружил, что Александр успешно справился с ответственным поручением. В последующем император при отъездах из столицы оставлял государство на попечение цесаревича. С середины 40-х гг. он неоднократно назначал его председателем особых комитетов, занимавшихся различными вопросами государственной жизни, в частности, крестьянским вопросом (в 1846 и 1848 гг.). Как известно, Николай Павлович всерьез размышлял об отмене крепостного права, но потенциальная угроза разорения поместного дворянства остановила его в осуществлении этого благого намерения.

В 1850 г. цесаревич побывал с инспекционной миссией на Кавказе, откуда неожиданно для самого себя вернулся георгиевским кавалером.

В ходе поездки он посетил Тифлис. Кутаиси, Ахалцых, Эривань, Эчмиадзин; затем переправился в Баку, а оттуда, следуя вдоль каспийского побережья, через Дербент, добрался до незамиренного еще Дагестана, где продолжались боевые действия с отрядами неуловимого Шамиля. Здесь наследник, которого сопровождал в поездке наместник и главнокомандующий войсками на Кавказе генерал-адъютант граф Михаил Семенович Воронцов, оказался участником боевой схватки, в которой с риском для жизни проявил личное мужество, взяв на себя

командование. Этот инцидент, имевший место 26 октября 1850 г., получил широкую огласку Вот что писал об этом французский посланник в Петербурге генерал де Кастельбажак в своем донесении в Париж: «Наследный великий князь вернулся из инспекционной поездки в Кавказскую армию, в ходе которой он посетил провинции этой части Империи. Во время одного из объездов вдоль линии границы русских владений его эскорт подвергся неожиданной атаке со стороны находившихся в засаде горцев, попытавшегося его захватить. Мгновенно сориентировавшись в обстановке, великий князь устремился во главе кавалерийского отряда на противника и сумел рассеять его, обнаружив великолепную храбрость. Князь Воронцов, свидетель этого боевого столкновения, попросил для Его Императорского Высочества георгиевский крест, который Император ему только что пожаловал»[5].

В действительности никакой засады не было. Наследник во главе отряда пехоты и нескольких сотен казаков следовал из Воздвиженской крепости в Ачхой, когда заметил впереди неприятельский конный разъезд. Оставив позади свои главные силы, а также графа Воронцова, из-за недомогания следовавшего в коляске, Александр с двумя десятками казаков, устремился на противника, встретившего их беспорядочной стрельбой. Осознав явное превосходство русских, горцы, отстреливаясь, бросились бежать, а вошедший в азарт Александр продолжал их преследовать, далеко оторвавшись от отряда. Пришедший в себя главнокомандующий, немедленно пересев из коляски на коня, поспешил направить линейных казаков наперерез отступавшим чеченцам, которых удалось рассеять. Сам же поскакал догонять наследника.

Воронцов был всерьез напуган неожиданным порывом цесаревича, который в буквальном смысле рисковал жизнью, но отдал должное быстроте его реакции и храбрости. О происшедшем он сообщил в донесении императору, попросив для Александра крест св. Георгия 4-й степени. Николай удовлетворил ходатайство наместника, одновременно назначив новоиспеченного георгиевского кавалера шефом Эриванского карабинерного полка. Полученный крест позволил цесаревичу по возвращении в Петербург принять на равных участие в орденском празднике св. Георгия, ежегодно отмечавшемся 26 ноября.

Инцидент на Кавказе, помимо прочего, выявил одну черту в характере наследника престола, которую отмечали в нем внимательные наблюдатели – чрезмерную азартность, проявлявшуюся, в частности, в увлечении карточной игрой. «Единственный недостаток, который можно было бы приписать цесаревичу, – это его азартность, излишняя страсть к игре, но после того, как ему постарались внушить, что тем самым он может подать дурной пример двору, наследник старается сдерживать себя», – свидетельствовал граф де Рейзе, французский поверенный в делах при дворе Николая I.[6]

Среди других слабостей цесаревича некоторые осведомленные современники указывали на его непостоянство и недостаток энергии. Впрочем, другие – не менее осведомленные – отвергали это мнение, напоминая о той настойчивой последовательности, с которой Александр Николаевич, несмотря на противодействие недовольных, проводил глубокое реформирование Российской империи.

В целом же личные качества будущего императора вызывали скорее положительную, нежели критическую оценку тех, кто его знал. Здесь можно привести достаточно беспристрастное мнение двух французских дипломатов, лично соприкасавшихся с ним в начале 1850-х гг.

Первое принадлежит графу де Райневалю, советнику французского посольства в Петербурге. Оно относится к сентябрю 1852 г. В донесении, адресованном министру иностранных дел Друэн де Люису, дипломат писал об Александре: «…Он наделен на редкость красивым

---

[5] Archives des Affaires Etrangeres (далее – AAE). Correspondance politique. Russie. Vol. 205. Fol. 251 (донесение от 1 декабря 1850 г.).

[6] AAE. Correspondance politique. Russie. Russie. Vol. 209. Fol. 231 verso. *Рейзе – Друэн де Люису, 2 июля 1853 г.*

телосложением и столь же красивым и одновременно умным лицом. Наследник проявляет такие высокие способности к учебе и такое усердие к наукам, что его наставник, желая не перегружать его чрезмерно, порекомендовал великому князю сделать перерыв в занятиях. Его отец, говоря о нем, сказал, что он уже хорошо разбирается в вопросах чести и умеет отличить правду от лжи.

<…> Цесаревич старателен и очень хорошо образован. Он прекрасно говорит на всех основных европейских языках. В настоящее время он входит в состав высшего военного руководства и кроме того он командует императорской гвардией и гренадерским корпусом. Открытый человек, надежный и верный друг, он способен выслушивать и давать разумные советы; он не способен обмануть доверившегося ему человека и может выдержать любое испытание. <…>

Природная мягкость великого князя и его безграничная доброжелательность могут создавать впечатление, что ему не достает твердости, но те, кто знает его близко, уверяют в противоположном: как раз твердости у него в избытке, и что если сегодня он ведет себя гибко и уступчиво, то это объясняется исключительно тем уважением, которое он испытывает к своему отцу, не желая огорчать его каким бы то ни было неповиновением»[7].

Судя по свидетельству другого француза, упоминавшегося выше графа де Рейзе, Николай I был полностью удовлетворен плодами воспитания и образования наследника. Однажды, в частном разговоре, в ответ на комплименты по поводу высоких качеств великого князя, он признался французскому дипломату: «Вы совершенно правы! Александр – славный мальчик, вам еще предстоит его оценить. Должен сказать, я веду себя по отношению к нему совсем иначе, чем обращались со мной в его возрасте. Я ничего не понимал в делах управления, и вынужден был все познавать самостоятельно.

Мой сын, напротив, хорошо подготовлен, и как только Господу будет угодно призвать меня к себе, я уверен, что Россия после меня будет хорошо управляться».

«Замечательные качества ума и сердца, которыми наделен наследный великий князь, уже обеспечили ему любовь всех классов общества», – заметил граф де Рейзе. При этом, правда, он посчитал нужным добавить: «Единственное исключение может составлять маленькая партия славянофилов, настроенных к нему оппозиционно, но это не более чем ничтожная группа, в которую не входит ни один сколь ни будь серьезный человек»[8].

Взгляды Александра на дела государственного управления, по крайней мере внешне, в эти годы отличались осторожным консерватизмом. Трудно сказать, в какой мере это отражало его действительные настроения или делалось в угоду отцу, убежденному консерватору, слывшему даже ретроградом. Во всяком случае, при жизни Николая Павловича наследник никогда не высказывал мнений, которые расходились бы с точкой зрения императора. Только после смерти Николая I, вступив на престол, Александр II в доверительных беседах признавался, что не всегда был согласен с отцом, но не смел ему перечить. Так было, например, в канун злополучной Крымской войны, когда Россия оказалась в фактической международной изоляции, которой, по мнению наследника можно было избежать, не доводя до критической точки противоречия с Францией и Англией.

По мнению большинства биографов Александра, глубокое влияние на его взгляды, в частности, по крестьянскому вопросу оказал генерал от инфантерии Я.И. Ростовцев. Когда-то, в далеком 1825 г., подпоручик лейб-гвардии Егерского полка Яков Ростовцев, посвященный в заговор декабристов, раскрыл их намерения великому князю Николаю Павловичу, что обеспечило ему в дальнейшем блестящую карьеру Трудно сказать, тяжелые ли воспоминания о преданных им товарищах, отправленных на эшафот и в сибирскую каторгу, или что другое, но всю дальнейшую жизнь генерал Ростовцев пытался содействовать воплощению тех самых

[7] Ibid. Vol. 207. Fol. 132–132 verso, 134 verso, 136 verso-137.

[8] Ibid. Vol. 209. Fol. 230 verso-231 verso. *Рейзе – Друэн де Люису, 2 июля 1853 г.*

идеалов, которые исповедовали друзья его молодости. При этом, правда, он, казалось, мысленно спорил с ними, доказывая преимущества пути реформ перед бунтом. Генерал-адъютант Ростовцев стал активным поборником дела освобождения крестьян, одним из редких либералов в окружении императора Николая, что само по себе уже было удивительно.

Близкое знакомство с Ростовцевым началось у Александра в 1849 г., когда наследник, после смерти великого князя Михаила Павловича, своего дяди, заменил его в должностях командующего Гвардейским и Гренадерским корпусами и Главного начальника всех военно-учебных заведений империи.

Генерал Ростовцев стал ближайшим помощником цесаревича в управлении военно-учебными заведениями. Очень скоро между ними установились доверительные отношения, позволившие либерально мыслящему генералу откровенно разговаривать с юным Александром на самые серьезные политические темы. Свои несбывшиеся надежды на обновление основ государственного и общественного строя Российской империи генерал Ростовцев связал с наследником престола, в котором он одним из первых разглядел задатки будущего реформатора. В определенной мере можно говорить о том, что Ростовцев продолжил дело его воспитания, начатое В.А. Жуковским, придав ему политическую направленность.

Все биографы Александра II сходятся в том, что поворотным моментом в окончательном формировании убеждений будущего императора стала злосчастная Крымская война, изменившая многие из внушенных ему представлений о путях дальнейшего развития России. То, что казалось ему незыблемым и единственно верным, не выдержало испытаний в соприкосновении с реальностью. Серия поражений русской армии, считавшейся лучшей в Европе, обнажила застарелые проблемы, решение которых под разными предлогами откладывалось со времен Екатерины Великой. Первая европейская держава оказалась, употребляя позднейшее определение, «колоссом на глиняных ногах», бессильным перед лицом более развитых европейских государств – Англии и Франции. Архаичность экономической и политической систем России требовала неотложного ее обновления. Кто знает, быть может, к этому горькому выводу после столь же унизительных, сколь и неожиданных поражений русской армии в Крыму, пришел и Николай I, но не в его силах было признать крах той самой системы, которую он последовательно строил с момента восшествия на престол. Он предпочел умереть, оставив сыну завет – «держать всё». «Воспитанный в духе идеалов отца, – отмечает современный французский историк Элен Каррер д'Анкосс, – верный сын, Александр II внимательно отнесся к этому последнему наказу; но он стал императором, а Россия, которой он должен был править, уже была не той, которую хотел сохранить отец»[9]. Именно в поражении России в Крымской войне все исследователи видят истоки будущих Великих реформ Царя-Освободителя, о чем речь впереди.

Что же касается представлений Александра Николаевича в области внешней политики России, то они, вплоть до окончания войны, доставшейся ему в наследство, определялись внушенным отцом убеждением в незыблемости союза легитимных монархий против попыток пересмотреть итоги войн с Наполеоном. Правда, и здесь предательство давней союзницы, Австрии, фактически переметнувшейся на сторону англо-франко-турецкой коалиции, побудит императора Александра серьезно скорректировать свою позицию в этом вопросе. Ему хватит здравого смысла отрешиться от внушенных предубеждений и недавних обид, связанных с Крымской войной, и пойти навстречу Наполеону III, который протянет молодому царю руку дружбы.

Как себе представлял будущий император отношения с Францией? Свидетельства об этом можно встретить в депешах, направлявшихся в Париж из французского посольства в

[9] *Каррер д 'Анкосс Э.* Указ соч. С. 46.

Петербурге. В качестве примера можно привести одно из таких высказываний, относящихся к началу 1850-х гг.

«Из всей Императорской семьи, – сообщал в Париж временный поверенный французского посольства граф де Райневаль, – наследный великий князь более других расположен к Франции. Его друг детства, с которым я часто разговаривал о нем, сказал мне, что он весьма интересуется всем, что делает Принц-Президент[10], что он проявляет самый живой интерес ко всему, что имеет отношение к Его Высочеству (т. е. к Луи-Наполеону. – П.Ч.), и что он внимательно читает все депеши, поступающие из Парижа. В последний раз он попросил его достать ему военную медаль, которую Принц учредил для нашей армии. Он мне сказал также, что в излияниях своих дружеских чувств великий князь часто повторял, что, когда он станет Императором, то установит самые лучшие отношения с Францией, так как осознает ту большую пользу, которую имел бы для двух стран искренний союз»[11].

Таков в самых общих чертах портрет будущего императора Александра II ко времени, когда ему доведется вступить в политический диалог с Наполеоном III.

Оставим для последующих глав рассмотрение тех реформ, которые предстояло осуществить Царю-Освободителю. Обратимся теперь к его французскому «кузену», чей портрет и государственная деятельность будут даны в более завершенном виде, учитывая то обстоятельство, что император французов утратил престол в то время (сентябрь 1870 г.), когда Александру II оставалось царствовать еще более десяти лет.

---

[10] Речь идет о Луи-Наполеоне Бонапарте, занимавшем в то время пост президента Французской республики. – П.Ч.

[11] AAE. Correspondance politique. Russie. Vol. 207. Fol. 132–132 verso. *Райневаль – Друэн деЛюису, 18 сентября 1852 г.*

Наполеон III

Когда в ночь с 20 на 21 апреля 1808 г. в роскошном парижском особняке на улице Серрюти (ныне рю Лаффит) на свет появился Шарль-Луи-Наполеон (с самого начала в семье его станут называть просто Луи или Луи-Наполеон), никто, включая родителей новорожденного, не мог предположить, что именно ему суждено стать преемником великого императора[12].

Отцом основателя Второй империи был Людовик, младший брат Наполеона, сопровождавший великого полководца в Итальянском и Египетском походах, но совершенно равнодушный к воинской славе, как и к политике. В январе 1802 г. Наполеон женил брата, не посчитавшись с его желанием, а точнее – с нежеланием, на своей падчерице, Гортензии Богарне, дочери Жозефины от первого брака. Таким образом, новорожденный Луи-Наполеон доводился племянником Наполеону и внуком – императрице Жозефине. Правда, уже через год после рождения малыша его бабушка, оставленная мужем ради его второго брака с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой, перестанет быть царствующей императрицей. Тем не менее, Наполеон изъявил желание быть крестным отцом своего племянника. Крестины состоялись в воскресный день 4 ноября 1810 г. во дворце Фонтенбло, причем в отсутствие отца ребенка, что стало поводом для новой волны слухов об интимных отношениях Наполеона со своей падчерицей, к чьим детям он относился с подчеркнутым вниманием. По слухам, впрочем, совершенно необоснованным, именно император был отцом всех трех сыновей Гортензии. Особо он отличал старшего из своих племянников – Наполеона-Шарля, родившегося в 1802 г. Не имея от Жозефины детей, Наполеон намеревался даже сделать его своим наследником и пожелал усыновить малыша, но натолкнулся на сопротивление законного отца мальчика, уязвленного слухами об отношениях старшего брата и Гортензии. Отказ Людовика уступить желанию Наполеона раздосадовал последнего, осложнив и без того непростые отношения между двумя братьями. Между тем в 1807 г., не достигнув и пяти лет, Наполеон-Шарль умирает, и потенциальным наследником все еще бездетного Наполеона становится второй сын Людовика и Гортензии, Наполеон-Людовик, родившийся в 1804 г., одновременно с учреждением Империи. Их третий сын, годовалый Луи-Наполеон, – следующий претендент на престол Бонапартов.

Исключительному положению детей Гортензии при дворе императора французов пришел конец в марте 1811 г., когда Мария-Луиза, вторая жена Наполеона, подарила мужу долгожданного наследника. Именно король Римский считался отныне преемником Наполеона. Гортензии пришлось удовольствоваться тем, что она стала крестной матерью царственного младенца.

Между тем брак Людовика Бонапарта и Гортензии Богарне, не задавшийся с самого начала, фактически распался. Бывший голландский король предпочел удалиться в германские земли, подальше от подавлявшего его влияния старшего брата. Гортензия, покинув Голландию, обосновалась в Париже, где вскоре обрела женское счастье в обществе светского повесы, 25-летнего кавалерийского офицера графа Шарля де Флао де Ла Биллардери, приемного сына Талейрана. От этой связи 20 октября 1811 г. у нее родится мальчик, которому дадут имя Шарль-Огюст-Луи-Жозеф. В скором времени он будет усыновлен бездетным графом де Морни. Впоследствии младший Морни, как сводный брат Наполеона III, станет одним из создателей и столпов Второй империи, министром, герцогом и председателем Законодательного корпуса.

---

[12] Наполеону III посвящена обширная литература. Среди новейших работ можно назвать: *Anceau E.* Napoléon III. Un Saint-Simon á cheval. P., 2008; *Bordenove G.* Napoléon III. P., 1998; *Carteret A.* Napoléon III. Actes et paroles. Guide. P., 2008; *Cristophe R.* Napoléon III au tribunal de l'histoire. P., 1971; *Decker M. de.* Napoléon III ou l'empire des sens. P., 2008; *Girard L.* Napoléon III. P., 1996; *Lahlou R.* Napoléon III ou l'obstination couronnée. 3-me éd. P., 2007; *Milza P.* Napoléon III. P., 2004; *Sagnes J.* Napoléon III. Le parcours d'un Saint-Simonién. P., 2008; *Séguin P.* Louis Napoléon le Grand. P., 1990; *Smith W.* Napoléon III. P., 2007.

Надо признать, что увлеченная красавцем Флао Гортензия никогда не забывала о двух своих «законных» сыновьях. Она была образцовая мать и не жалела сил для того, чтобы дать им надлежащее воспитание. Страстная поклонница Наполеона, Гортензия и детям внушала чувства романтического преклонения перед их великим дядей. Наиболее сильное впечатление материнские наставления производили на младшего, Луи-Наполеона, буквально боготворившего императора.

Первые детские годы Луи-Наполеона были поистине безоблачными. Мальчик проводил время между императорской резиденцией Тюильри, где он жил с матерью и старшим братом, загородным поместьем Маль-мезон, куда его часто возили к бабушке, опальной императрице Жозефине, и курортом Экс-ле-Бен, где Гортензия любила отдыхать и проходить лечение на водах. Именно там она встретила графа де Флао.

Безмятежная жизнь закончилась 31 марта 1814 г. В этот день шестилетний Луи-Наполеон из окна Тюильри видит, как войска антифранцузской коалиции входят в Париж. Позднее он узнает, что русский император Александр I имел благородное намерение обеспечить интересы императрицы Жозефины, ее дочери и внуков. 16 апреля 1814 г. он навестил ее в Мальмезоне. Они довольно долго беседовали о чем-то наедине. Но 29 мая того же года Жозефина, простудившись, внезапно умерла, и намерения русского царя (если они у него действительно были?) остались нереализованными.

С возвращением в столицу Бурбонов и установлением режима Реставрации положение многочисленных представителей клана Бонапартов, окруженных откровенной враждебностью новых властей, становилось угрожающим. Гортензия вознамерилась любой ценой обеспечить безопасность и материальную будущность своих детей. Она ясно видела, что из всех вождей антинаполеоновской коалиции может рассчитывать лишь на благоволившего к ее матери Александра I. Ее надежды на царя оправдались. При его активном содействии Гортензия Богарне-Бонапарт получает от Людовика XVIII титул герцогини де Сен-Лё, пенсию и апанаж (удел) в размере 400 тыс. франков, предназначенный ее сыновьям.

Неожиданное возвращение Наполеона с о-ва Эльба и последовавшие за этим Сто дней, завершившиеся его разгромом при Ватерлоо и окончательным отречением, в корне изменили ситуацию. Во Франции развернулся Белый террор в отношении бонапартистов и активных участников революции. 1 января 1816 г. был принят закон об изгнании всех членов семейства Бонапарт из Франции. Гортензия покинула Париж еще в июле 1815 г., успев заблаговременно распродать свое имущество. Одним из покупателей ее коллекции старинной живописи на очень выгодных для Гортензии условиях стал все тот же русский царь.

В это время ее настиг второй удар. Людовик Бонапарт, давно добивавшийся передачи ему на воспитание обоих сыновей, сумел «отсудить» у жены старшего, Наполеона-Людовика, которого в октябре 1815 г. Гортензия вынуждена была отправить к отцу, в Богемию. Младший, Луи-Наполеон, остался с матерью, которая в 1817 г. на вырученные от распродажи имущества средства и доставшееся после смерти матери наследство приобрела небольшой, но красивый замок Арененберг на севере Швейцарии, на границе с Баварией. Свой замок Гортензия превратила в своеобразный музей, воссоздав в нем обстановку эпохи Империи. Здесь изгнанников посещали родственники, друзья и заезжие знаменитости, среди которых – Александр Дюма-отец, Жорж Саид, Шатобриан и др. В замке Арененберг Луи-Наполеону доведется провести долгие семнадцать лет.

В июне 1819 г. Гортензия подберет ему воспитателя – некоего Филиппа Леба, сына бывшего члена Конвента, близкого друга Робеспьера. Сам Леба в молодости был моряком, затем офицером наполеоновской армии, отличившимся в ряде кампаний. С падением империи он стал школьным учителем. Ему было что рассказать своему воспитаннику о революции и ее героях, о войнах времен Республики и Империи. В сознании впечатлительного подростка рассказы Леба соединялись с тем, что он постоянно слышал от матери и ее гостей об исторических

деяниях его великого дяди. В результате в нем сформировалось твердое убеждение в существовании некой сакральной связи между народом Франции, Революцией и вышедшим из нее Наполеоном Бонапартом. Убежденность в народном характере режима, установленного Наполеоном, племянник императора французов пронесет через всю свою жизнь.

Формирование умственного кругозора Луи-Наполеона, конечно же, не ограничивалось теми уроками, которые он получал в замке Арененберг. Гортензия отдала своего сына в Аугсбургский коллеж, где он получил хорошее общее образование и свободное знание трех языков – немецкого, итальянского и английского. В 1827 г. девятнадцатилетний Луи-Наполеон, под влиянием другого своего наставника, бывшего майора императорской гвардии Паркена, записывается в Военную инженерно-артиллерийскую школу, находившуюся в городке Тури, недалеко от Берна. Когда год спустя, начнется война между Россией и Турцией, Луи-Наполеон изъявит желание отправиться на помощь туркам, но это намерение не будет тогда реализовано. По окончании учебы он поступает на службу в швейцарскую армию, где в 1834 г. получит чин капитана артиллерии.

Падение режима Реставрации в результате Июльской революции 1830 г. возродило у Луи-Наполеона надежду на возможность возвращения во Францию, но закон, принятый новыми властями 2 сентября того же года, подтвердил прежний запрет для Бонапартов появляться на французской территории. Не имея возможности вернуться на родину, жаждавший деятельности двадцатидвухлетний Луи-Наполеон принял участие в заговоре моденского революционера Чиро Менотти, поставившего целью освободить Рим от светской власти папы. К этому заговору Луи-Наполеон сумел приобщить и своего старшего брата, Наполеона-Людовика, проживавшего с отцом во Флоренции. Вступив в ряды карбонариев, сражавшихся против австрийских войск, оба юных Бонапарта были одержимы фантастической идеей – выкрасть из Вены своего кузена, герцога Рейхштадтского и провозгласить его королем Италии (при рождении сына Наполеон, как известно, даровал ему титул короля Римского). До достижения им совершеннолетия регентство должен был осуществлять Наполеон-Людовик.

Однако всем этим планам не суждено было осуществиться. Затеянный Менотти в начале зимы 1830 г. поход на Рим, в котором приняли участие оба племянника Наполеона, к концу февраля 1831 г. потерпел неудачу, а сам Менотти был схвачен и расстрелян. Вскоре после этого, 17 марта от кори, которой он заразился в походе, умирает Наполеон-Людовик. Его младший брат, бежавший с английским паспортом во Францию, в начале мая 1831 г. был выслан оттуда и вынужден уехать в Англию. В августе того же года он вернулся в Швейцарию и возобновил необременительную службу в швейцарской армии. Все свободное время принц проводил в материнском замке Арененберг. Здесь Луи-Наполеон впервые приобщается к литературному творчеству, написав «Учебник артиллерии», а вслед за этим – «Политические и военные размышления о Швейцарии». Здесь же он получает известие о поразившей всех смерти в Шенбрунне 27 июля 1832 г. юного герцога Рейхштадтского, которого бонапартисты называли Наполеоном II. Быстро прогрессировавший туберкулез унес его в могилу в возрасте двадцати одного года.

Луи-Наполеон в полной мере сознает свое новое положение вождя бонапартистов и в том же 1832 году публикует программную брошюру под названием «Политические мечтания». Высказанные в ней идеи и притязания спустя семь лет найдут развитие в другом его сочинении – «Наполеоновские идеи». В этих двух работах Луи-Наполеон доказывает, что лучшая форма государственного устройства – это народная монархия, основанная на республиканских принципах, включающих не только разделение властей, но и всеобщее избирательное право. «Народ правомочен избирать и принимать решения, законодательный корпус – обсуждать законы, а император – осуществлять исполнительную власть», – заявляет Луи-Наполеон[13]. Автор убеж-

[13] Oeuvres de Napoléon III. T. 1. P., 1869. P. 383.

ден, что наполеоновская империя в полной мере соответствовала этому идеалу, который был утрачен после 1815 г. и который Франция обязана обрести вновь. Достижению этой заветной цели он и посвятит свою жизнь, рассчитывая, прежде всего, на помощь своих многочисленных сторонников.

Бонапартисты, принимавшие активное участие в Июльской революции, свергнувшей режим Реставрации, чувствовали себя обойденными при дележе пирога власти, узурпированной, как они считали, Луи-Филиппом и его партией (орлеанистами). Свои надежды на захват власти они связывали отныне исключительно с Луи-Наполеоном, который понимал, что обязан оправдать эти надежды. Поскольку в реалиях середины 30-х гг. бонапартисты не могли рассчитывать на законный, т. е. через парламентские выборы, приход к власти, они, по примеру итальянских карбонариев, взяли курс на подготовку восстания. У Луи-Наполеона уже имелся некоторый, правда, неудачный, опыт участия в подобного рода заговорах.

По совету своих сторонников, он тайно прибывает в столицу Эльзаса г. Страсбург, где полковник Бодрей, командир размещенного там артиллерийского полка, изъявил готовность поддержать восстание. 30 октября 1836 г. Луи-Наполеон во главе небольшого отряда пытается захватить казармы артиллерийского полка, но еще на подступах к ним наталкивается на энергичный отпор пехотных подразделений, которым за два часа удалось рассеять повстанцев. В большинстве своем они были захвачены в плен, включая самого предводителя.

Доставленный под усиленной охраной в Париж, Луи-Наполеон ожидал сурового приговора, но Луи-Филипп, наделенный не только осмотрительным умом, но и добросердечием, не отдал под суд племянника национального героя Франции, а ограничился его высылкой в Северную Америку. Что касается сообщников принца Бонапарта, то всех их, по письменной просьбе Луи-Наполеона, амнистировали и выпустили на свободу.

Пребывание молодого Бонапарта в США, где он подрабатывал преподаванием французского языка, было не долгим. В середине лета 1837 г. он возвращается в Швейцарию и успевает застать в живых свою, тяжелобольную мать. 5 октября 1837 г. Гортензия умирает, а ее сын вскоре уезжает в Англию, где вместе со своими ближайшими сподвижниками вынашивает планы нового заговора против Луи-Филиппа. Когда принц узнает, что в Париж с о-ва ев. Елены должны быть возвращены для перезахоронения в Доме Инвалидов останки Наполеона I, он решает, что настает самый благоприятный момент для осуществления его замыслов. В опубликованной им в июне 1840 г. в Лондоне очередной брошюре под названием «Наполеоновские идеи», он высказывает мысль о том, что во Францию должны возвратиться не только останки Наполеона, но и его идеи о соединении порядка и свободы. И эти идеи принесет во Францию он, Луи-Наполеон Бонапарт.

Ранним утром 6 августа 1840 г. отряд из 60 человек высаживается с английского парохода в районе городка Булонь-сюр-Мер (департамент Па-де-Кале), откуда, как предполагалось, при поддержке местного гарнизона, должен был начаться победный марш на Париж. Но в Булони отряд не только не получает обещанной помощи, но, напротив, встречает вооруженный отпор. Итог короткой стычки – двое убитых и около пятидесяти пленных, среди которых и Луи-Наполеон.

На этот раз Луи-Филипп уже не был столь великодушен. По приговору суда принц Бонапарт был осужден на пожизненное заключение в крепости Ам. Король, правда, распорядился, чтобы именитому узнику обеспечили сносные условия заключения. Так, ему было позволено выписывать себе в тюрьму любые, интересующие его книги. Это дало возможность Луи-Наполеону с пользой провести время, занимаясь литературным трудом. Среди написанных им в тюрьме книг – «Угасание пауперизма», где чувствуется сильное влияние идей Луи Блана. Публикация этой книги привлечет к автору симпатии социалистов. Находясь в заключении, Луи-Наполеон пользовался определенной свободой передвижения по территории крепости, что помогло ему в мае 1846 г. организовать удачный побег и через Бельгию благополучно пере-

браться в Англию. К подготовке бегства его подтолкнули известия о резком ухудшении здоровья его отца, с которым он хотел попрощаться. Луи-Наполеон успел застать его в живых, побывав у него в Тоскане. Бывший король Голландии умер 25 сентября 1846 г., оставив сыну немалое наследство – крупную недвижимость в Италии и 1 млн. 200 тыс. золотых франков.

В Англии, где Бонапарт пытался восстановить подорванное в тюрьме здоровье, он познакомится с некой мисс Харриет Ховард, молодой, очаровательной и что не менее важно – весьма состоятельной женщиной, которая украсит его двухлетнее одиночество на берегах Темзы. Их роман продлится несколько лет и окончится лишь с женитьбой Луи-Наполеона в 1853 г. Поговаривали, правда, что и после этого, по крайней мере, до 1855 г., он поддерживал связь с Харриет Ховард. В благодарность за ее самоотверженную преданность, император французов дарует бывшей возлюбленной графский титул и замок, принадлежавший ранее маркизе де Помпадур, фаворитке Людовика XV.

В Лондоне он дождался революции во Франции, свергнувшей в феврале 1848 г. Июльский режим. Революция освободила из тюрем политических заключенных, в т. ч. и сторонников Бонапарта, которые сразу же развернули широкую кампанию в пользу своего вождя, обеспечив ему на майских выборах 1848 г. избрание в Учредительное собрание сразу от четырех департаментов. Уже через два месяца его кандидатура была выдвинута на пост президента республики, и на выборах 10 декабря 1848 г. он получил более 74 % голосов, оставив далеко позади всех других претендентов.

Как объяснить успех человека, которого вообще мало кто знал во Франции, чья жизнь прошла за ее пределами?

Безусловно, на него работала наполеоновская легенда, всегда жившая в сердцах многих французов, и особенно – среди крестьян. Бонапартисты умело использовали эти ностальгические настроения в предвыборной кампании своего вождя. Ко времени проведения выборов сильно скомпрометированным в глазах многих избирателей оказался главный конкурент принца Бонапарта в борьбе за пост президента, генерал Луи-Эжен Кавеньяк, утопивший в крови восстание парижских рабочих (23–26 июня 1848 г.) протестовавших против антисоциальной политики республиканского правительства. Тогда в Париже от рук карателей погибло 5600 человек. Более 11 тыс. были арестованы и 4 тыс. депортированы в отдаленные заморские владения Франции.

Июньский кризис нанес сильнейший удар по молодой, еще не успевшей окрепнуть, Второй республике – удар, от которого она так и не смогла оправиться. Зато принц Бонапарт в полной мере сумел извлечь пользу из этого кризиса, расположив к себе избирателей большинства политических партий, включая республиканцев. В своей предвыборной кампании он обещал покровительство религии и одновременно гарантировал свободу вероисповедания и светского образования, говорил о защите семьи, собственности и выставлял себя защитником интересов рабочего класса. Как кандидат на пост президента, Луи-Наполеон клятвенно обещал гарантировать стране порядок и свободы, а по истечении своего мандата передать власть вновь избранному преемнику. По закону президент мог избираться только на один срок. В действительности принц-президент, как его отныне стали называть, не намеревался выпускать из рук доставшуюся ему власть, стремясь продлить и расширить свои полномочия.

Когда в июле 1851 г. Луи-Наполеону не удалось получить согласие парламента на пересмотр положений конституции 1848 г. о сроках президентского мандата и возможности его продления, он решился на государственный переворот, к которому его давно подталкивало ближайшее окружение. В подготовке переворота, приуроченного к годовщине победоносной для Наполеона Аустерлицкой битвы, руководящее участие принял Огюст де Мории, сводный брат президента, назначенный им на пост министра внутренних дел. Надежные люди были поставлены во главе префектуры парижской полиции и столичного гарнизона. Конечно же, заговорщикам потребовались немалые финансовые средства для подготовки переворота.

Денег, доставшихся Луи-Наполеону после смерти отца, явно не хватало. В этот критический момент в Париже появляется мисс Ховард, поддерживавшая с возлюбленным постоянную переписку, из которой она и узнала о его материальных затруднениях. Она привезла с собой значительную сумму, вырученную от продажи своего имущества в Англии и даже драгоценностей, пожертвовав всем ради любимого человека. Деньги мисс Ховард позволили Луи-Наполеону завершить подготовку заговора.

В ночь на 2 декабря 1851 г. были проведены аресты лидеров оппозиции, а утром парижане узнали три новости – о роспуске парламента и Государственного совета, введении всеобщего избирательного права и установлении временного режима военного положения. Попытки организовать сопротивление нарушившему присягу президенту были жестоко подавлены. Общее число арестованных по всей стране достигло 27 тысяч человек, возродив в памяти французов воспоминания о Белом терроре времен Реставрации.

Луи-Наполеон поспешил закрепить успех, прибегнув к народному плебисциту, который отныне станет излюбленным инструментом бонапартистского режима, претендовавшего на выражение общенациональных интересов и чаяний. В обстановке полицейских преследований, лишавших оппозицию возможности выступать легально, плебисцит, состоявшийся 21–22 декабря 1851 г., принес Бонапарту одобрение осуществленного им переворота 76 % избирателей, значительная часть которых прежде голосовала за левые партии. Таким образом, он получил общенациональный мандат.

А уже 14 января 1852 г. была обнародована новая, в сущности монархическая, конституция, наделявшая президента, избираемого на десятилетний срок, едва ли не безграничными полномочиями. Вслед за этим был принят ряд декретов, регламентировавших деятельность различных ветвей власти, печати, а также отношения между предпринимателями и наемными рабочими. Последние лишились своих прежних, профессиональных объединений, вместо которых повсеместно были созданы т. н. общества взаимопомощи под совместным патронажем мэров и священнослужителей.

Принц-президент не думал останавливаться на достигнутом. Он взял курс на восстановление наследственной монархии Бонапартов. С целью выяснить настроения масс осенью 1852 г. он отправился в пропагандистское турне по департаментам, где стараниями его приверженцев устраивались многочисленные демонстрации в пользу восстановления империи. Выступая 9 октября в г. Бордо, Луи-Наполеон произнес слова, явно адресованные европейским державам, опасавшимся возрождения наполеоновской империи. «Некоторые говорят, что Империя породит войну. Нет, Империя – это мир!», – с пафосом воскликнул он[14].

Убедившись, что самая многочисленная часть избирателей – крестьяне – с восторгом относятся к идее восстановления бонапартистской монархии, Луи-Наполеон по возвращении в Париж дал команду безотлагательно принять необходимые юридические меры для превращения президентской республики в империю.

21 ноября 1852 г. французские избиратели были в очередной раз приглашены высказаться – на этот раз по вопросу о государственном устройстве Франции. И опять Луи-Наполеон одержал убедительную победу – 76 % проголосовавших одобрили восстановление Империи.

2 декабря 1852 г. принц-президент Луи-Наполеон был провозглашен императором французов под именем Наполеона III. Вторая республика прекратила свое существование, превратившись во Вторую империю[15].

Первейшая забота новоиспеченного императора состояла в том, чтобы обеспечить признание провозглашенной им наследственной монархии Бонапартов европейскими дворами.

---

[14] Цит. по: *Anceau É.* Comprendre le Second Empire. R, 1999. R 29–30.

[15] Как известно, Первая империя, основанная Наполеоном I в 1804 г. просуществовала до 1814 г., а окончательно прекратила свое существование после повторного отречения Наполеона 22 июня 1815 г.

Наиболее подходящим средством для этого Наполеон считал династический брак с какой-либо принцессой из владетельного дома. В свои сорок четыре года он все еще оставался холостяком. Между тем с провозглашением империи вставал вопрос о продолжении династии, т. е. о наследнике. Официальное признание Европы Наполеону удалось получить без особого труда. Последним из европейских государей неохотно сдался Николай I, не желавший поначалу обращаться к «императору французов» в официальной переписке как к другим «природным» государям: «Сир, Брат мой».

Но все попытки французских дипломатов отыскать Наполеону принцессу из правящего дома окончились неудачей. Легитимные монархи не желали выдавать своих дочерей за французского «выскочку». В конечном счете император вынужден был остановить свой выбор на 26-летней испанской аристократке Евгении Монтихо, графине Теба, с которой познакомился четырьмя годами ранее.

Многие тогда посчитали этот выбор Наполеона вынужденным. Только хорошо знавший императора Александр Дюма-сын думал иначе. Он увидел в этом союзе «торжество любви над предубеждениями, красоты – над традицией, чувства – над политикой»[16]. Венчание императорской четы состоялось 30 января 1853 г. в соборе Парижской Богоматери. А накануне, в Тюильри, прошла гражданская церемония бракосочетания.

Воспитанная в строгих правилах христианской морали, истая католичка, императрица Евгения очень скоро разочаровала мужа, оказавшись если и не совсем фригидной женщиной, то достаточно равнодушной к интимной стороне жизни. Она искренне считала своим единственным долгом рождение наследника престола. Этого же она ожидала и от супруга, который, правда, придерживался иного мнения. Он и в браке намеревался оставаться свободным.

Столь разные взгляды на семейную жизнь едва ли не с самого начала осложнили отношения между супругами. Когда Наполеон попытался сохранить связь с мисс Ховард, продолжавшей воспитывать его внебрачных детей, Евгения самым решительным образом воспротивилась этому. Любовникам пришлось расстаться. Однако даже строгий надзор императрицы не мог изменить давно усвоенных привычек Луи-Наполеона, его непреодолимой слабости к прекрасному полу. Наполеон находил любовниц в разных слоях общества, предпочитая хорошеньких и модных актрис. Не пренебрегал он и дамами из высшего общества, включая наиболее привлекательных жен и даже дочерей своих ближайших сподвижников. Среди его любовниц были графиня Марианна Валевская, супруга министра иностранных дел, а впоследствии – председателя Законодательного корпуса, баронесса Валентина Османн, дочь знаменитого префекта департамента Сена, графиня Луиза де Мерси-Аржанто, графиня де Кастильоне, племянница графа Кавура, премьер-министра Пьемонта… Некоторые из них имели даже от императора детей.

Со временем императрица смирится со своей судьбой. Она научится не замечать частых увлечений мужа и не слышать того, о чем говорил «весь Париж». Не добившись верности, которую Евгения считала основой брака, она сумела добиться большего – подчеркнутого уважения со стороны императора, который все более внимательно прислушивался к ее мнению при решении государственных дел. Ее влияние всегда и во всем имело сугубо консервативную направленность, что вызывало беспокойство у тех сподвижников императора, которые придерживались левых взглядов.

Не жаловали императрицу и родственники Луи-Наполеона, справедливо упрекавшие ее в чрезмерном вмешательстве в государственные дела и откровенной расположенности к католицизму и Испании, что далеко не всегда отвечало как интересам Франции, так и правящей династии. Принцесса Матильда, кузина императора, в разговоре с русским послом графом П.Д. Киселевым однажды раскрыла тайну удивлявшей всех уступчивости Наполеона перед настой-

[16] Цит. по: *Cars J. des.* Eugénie, la dernière Impératrice. P., 2000. R 165.

чивостью императрицы. На вопрос Киселева о том, почему император, «при своем превосходстве ума, позволяет таким образом господствовать над собой», Матильда ответила: «По лености. Он ленив во всем, что относится до домашней жизни; я несколько раз выговаривала ему это, но у него всегда один ответ: лучше отступить, чем продолжать спор о пустяках; притом, поясняет он, – таков уж мой характер; я не могу переиначить его, потому я даю ей говорить, сколько хочет, а сам молчу»[17].

К этому можно добавить, что нередко Наполеон уступал своей супруге не только в семейных делах, но и в политике. Последнее свидетельствовало не о его человеческой слабости, а о вынужденном постоянном лавировании между двумя тенденциями, характерными для бонапартистского режима.

Свой священный долг перед Францией императрица Евгения исполнила 16 марта 1856 г., когда на свет появился долгожданный «Императорский принц» (Prince Imperial). Ему дали имя – Эжен Луи Наполеон. В семье и при дворе он получит ласково-уменьшительное прозвище «принц Лулу».

По случаю этого радостного события император освободил из тюрем 1200 заключенных, в большинстве своем политических. К 1859 г., когда будет объявлена всеобщая амнистия, в тюрьмах и в изгнании останется менее 400 человек, среди них – Виктор Гюго, непримиримый противник Наполеона III и его режима, который он считал незаконным и диктаторским. Знаменитый писатель-демократ отклонит амнистию и предпочтет дальнейшее добровольное изгнание на острове Джерси. Гюго вернется на родину лишь после падения Второй империи в сентябре 1870 г.

Так что же представлял собой бонапартизм у власти, воплощенный во Второй империи?

Это был авторитарный режим, отвергавший парламентскую демократию и утверждавший сильную исполнительную власть, которая опиралась (через плебисциты) на свободное народное волеизъявление. Впервые бонапартистский режим был установлен в 1799 г. Наполеоном Бонапартом. Спустя полвека племянник попытался продолжить эксперимент, начатый его великим предшественником. Бонапартизм у власти представлял собой некий «третий путь» между рухнувшим старым порядком и революционным хаосом. Как в 1799 г., при Наполеоне Бонапарте, так и в 1852 г., при Наполеоне III, бонапартизм подвел символическую черту под революционными потрясениями 1789–1799 и 1848 гг., символизируя собой окончание революции, возвращение к законности и порядку, восстановление национального единства. Это была попытка соединить определенные элементы старого строя и революционных завоеваний (права новых собственников, политическое равенство, всеобщее избирательное право, индивидуальные свободы, социальная ответственность государства и т. д.) Авторитарный режим Второй империи создавал видимость всенародного государства, стоящего над интересами классов и партий. В действительности он опирался на крестьянство, чиновную бюрократию, армию, полицию и католическое духовенство.

Идеология бонапартизма эклектична, в ней причудливо сочетались постулаты национализма, консерватизма, либерализма и даже социализма (сен-симонизма). В годы Второй империи появился каламбур, ярко выразивший идеологическую мозаичность бонапартистского режима. Авторство этого каламбура молва приписывала самому Наполеону III: «Императрица у нас – легитимистка; принц Наполеон – республиканец; Мории – орлеанист; сам я – социалист; одного лишь Персиньи (один из давних и верных сподвижников Луи-Наполеона. – П.Ч.) можно назвать бонапартистом, но ведь он сумасшедший»[18].

---

[17] Цит. по: *Булгаков Ф.И.* Русский государственный человек // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 677.

[18] Dictionnaire du Second Empire / Sous la dir. de *Jean Tulard.* P., 1995. R 894.

Характернейшая черта бонапартизма – балансирование между интересами различных классов и социальных групп, что до поры обеспечивало режиму определенную устойчивость[19]. Провозглашение империи совпало с экономическим подъемом в стране и улучшением положения крестьянства и рабочих, что также способствовало укреплению позиций режима.

Во внутренней политике Вторая империя сочетала экономический либерализм, популизм и жесткие меры административно-полицейского характера. Так или иначе, но оживленная политическая жизнь во Франции, характеризовавшаяся прежде открытым соперничеством партий, с установлением Второй империи впала в летаргическое состояние. Луи-Наполеон еще в молодые годы пришел к твердому убеждению, что партии выражают не чаяния народа, а корыстные интересы отдельных фракций элиты, навязывающей обществу нужные им решения. К тому же, узкий круг избирателей, допущенных к участию в выборах, по его мнению, ни в коей мере не мог отражать настроения всего общества. Именно поэтому Наполеон III и сделал ставку на плебисцит, восстановив всеобщее избирательное право и консультируясь с нацией по основополагающим вопросам политической жизни.

Оппозиция, потерявшая почву под ногами, т. е. возможность действовать открыто, ушла в подполье. В создавшихся условиях часть оппозиционеров сделала выбор в пользу террора, как средства политической борьбы с режимом. Полиция раскрыла множество заговоров с целью убийства императора, но все же не смогла предотвратить трех попыток покушения на его жизнь – 28 апреля 1855 г., 8 сентября 1855 г. и 14 января 1858 г.[20]

Последнее сопровождалось многочисленными жертвами. 8 человек погибли и 156 получили ранения в результате взрыва трех бомб, брошенных в сторону императорской кареты, направлявшейся в Оперу. Наполеон и Евгения не пострадали. В обстановке возникшей паники, сохраняя абсолютное спокойствие, они проследовали в театр, где публика устроила им овацию. Последствием этого покушения стало принятие в феврале 1858 г. закона об общественной безопасности, ужесточившего преследование тех, кто вызывал подозрение у полиции.

Первый период в истории Второй империи, рожденной в результате государственного переворота, был отмечен подавлением оппозиции и репрессиями в отношении противников режима. Преобладающим влиянием на императора в этот период пользовались консервативно-реакционные круги из его окружения во главе с императрицей Евгенией. Почувствовав себя более уверенно, Наполеон III, начиная с 1859 г. берет курс на постепенную либерализацию режима. Авторитарную империю он намерен превратить в либеральную. В нем опять заговорил узник крепости Ам, интересовавшийся социалистическими теориями. Тогда, в середине 40-х гг., он писал, что «наполеоновская идея – это не война, а социальная, промышленная, торговая и гуманитарная идея»[21].

Наполеон III стал первым из европейских правителей, кто пытался проводить социальную политику, считая ее важным условием национального согласия и процветания государства. Его деятельность в этом направлении не ограничивалась лишь благими намерениями и словами сочувствия неимущим. Она проявилась в принятии совершенно конкретных решений, имеющих целью улучшение положения трудящихся и наиболее обездоленных слоёв населения.

Еще будучи президентом республики, Луи-Наполеон декабре 1851 г. запретил трудовую деятельность в выходные и праздничные (по церковному календарю) дни. Этот закон действовал до 1880 г., когда республиканские власти объявили его «клерикальным», и на этом основании отменили. Однако под давлением протестного рабочего движения Третья республика в 1906 г. вынуждена была вернуться к закону, инициированному Наполеоном. Разумеется, об

---

[19] Первым, кто обратил внимание на эту особенность бонапартизма, был *К. Маркс*. См. его работу – Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 207, 214–215.

[20] Attentats et complots contre Napoléon III. R, 1870.

[21] Oeuvres de Napoléon III. T. 1. P. 172.

авторе этого социального закона республиканское правительство предпочло не вспоминать. В феврале 1853 г. Наполеон III подписал декрет об учреждении «Общества материнского милосердия» для попечения об одиноких и неимущих матерях. По всей Франции были организованы 76 отделений этого общества, взявших под свою опеку 16 тыс. матерей. Верховное попечительство над всеми этими обществами возложила на себя императрица Евгения.

Рождение в марте 1856 г. долгожданного наследника император Наполеон отметил не только амнистией, о чем уже говорилось, но и актом крупной благотворительности. 14 июня 1856 г., в день крещения «принца Лулу», он издал распоряжение о создании в Париже приюта для детей-сирот. При этом императорская чета взяла на себя все расходы, как на строительство приюта, так и на содержание трехсот его воспитанников.

8 июня 1853 г. был принят закон о пенсиях для государственных служащих всех уровней, имеющих стаж 30 и более лет. Размер пенсии составлял % от ежемесячного жалования чиновника. В результате 154 тыс. госслужащих получили материальные гарантии на относительно обеспеченную старость. Действенность этого пенсионного закона была доказана длительностью его применения. Он был пересмотрен лишь в 1924 г.

В том же 1853 г. правительственным декретом были учреждены примирительные советы для урегулирования производственных конфликтов, а годом ранее в каждом департаменте были созданы трудовые инспекции. Спустя пятнадцать лет, в августе 1868 г., император инициировал принятие закона о равенстве свидетельских показаний работодателей и наемных работников при рассмотрении трудовых конфликтов в судах. Для тогдашней Европы это было смелым шагом вперед.

Еще в молодости Наполеон всерьез интересовался возможностями для смягчения антагонизма между трудом и капиталом. Придя к власти, он неоднократно доказывал, что интересы трудящихся классов были дня него не менее значимы, чем интересы имущих слоев. В 1854 г. была учреждена система т. н. «кантональной медицины», призванной оказывать бесплатную медицинскую помощь на дому жителям деревень. В 1860 г. услугами «кантональной медицины» воспользовались более 300 тыс. крестьян.

В числе других мер социального характера, принятых по инициативе императора французов, – создание в 1855 г. оздоровительных центров (т. н. «национальные приюты») для рабочих, которые получили производственные травмы или профессиональное заболевание. А в 1862 г. развернулось строительство 172 приютов и лечебниц для инвалидов.

25 мая 1864 г. Наполеон утвердил закон, предоставивший французским рабочим – первым в Европе – право на забастовку. Это право было ограничено только двумя условиями – избегать насильственных действий и уважать право на труд тех, кто не желал бастовать. Три года спустя, в 1867 г., рабочим было предоставлено право создавать профсоюзы по месту работы и объединяться в профсоюзные федерации.

Наполеоном предпринимались попытки организовать систему социального страхования и обеспечить максимально возможную занятость трудоспособного населения, в частности на общественных работах, как средства сокращения безработицы. В результате всех этих усилий в апреле 1870 г. Франция стала единственной европейской страной, обеспечившей полную занятость своему работоспособному населению. За время правления Наполеона III заработная плата наёмных работников возросла на 47 % в номинальном и на 20 % – в реальном исчислениях. Средний доход француза увеличился с 442 фр. в 1850 г. до 602 фр. в 1869 г.[22] Важно отметить, что инфляция за эти годы была чисто символической.

Последовательно, хотя и несколько хаотично проводимая социальная политика, стала важным залогом политической стабильности бонапартистского режима, который почти до самого своего крушения не знал серьезных потрясений, свойственных Июльской монархии

[22] *Carteret A.* Napoléon III. Actes et paroles. P., 2008. P. 36.

(Лионские восстания) и Второй республике (Июньское восстание 1848 г. в Париже)[23]. Не исключено, что именно эта стабильность и вызывала негодование у противников и недоброжелателей Луи-Наполеона, как внутри страны, так и за рубежом. Пытаясь наладить диалог власти с неимущими слоями общества, желая понять их интересы и, по мере возможности, сгладить наиболее вопиющие проявления неравенства, Наполеон III, можно сказать, вторгался в зону традиционного влияния левых – буржуазных республиканцев и социалистов, посягая на их массовую опору. Социальные эксперименты императора французов отвлекали пролетариат от классовой борьбы, и именно это вызывало негодование у тех, кто считал себя вождями рабочего движения. Отсюда и постоянные нападки на Наполеона III со стороны публицистов-социалистов, в том числе и К. Маркса.

Между тем система принятых при Наполеоне мер обеспечила Франции устойчивое экономическое развитие, превратив ее в ведущую финансово-промышленную державу на континенте. Мощными двигателями экономического развития стали два крупнейших банка, созданные в годы Второй империи – «Креди фонсье» и «Креди мобилье». Первый кредитовал сельское хозяйство; второй – промышленность и дорожное строительство. В 1863 г. был основан впоследствии всемирно известный депозитный банк «Креди Лионне» («Лионский кредит»). Широкая банковская поддержка и внедрение системы кредитования обеспечили подлинный бум для таких отраслей промышленности, как металлургическая, текстильная и горнодобывающая.

Считая крестьянство одной из важнейших опор своего режима, Наполеон уделял самое пристальное внимание нуждам аграрного сектора и старался через систему финансового стимулирования и внедрение механизации создать наиболее благоприятные условия для его ускоренного развития. Его усилия себя оправдали. Среднегодовые урожаи по стране за период между 1848 и 1869 г. возросли на 50 %.

Франсуа Гизо, одному из столпов Июльской монархии, приписывают фразу, обращенную к французам: «Обогащайтесь! Обогащайтесь своим трудом и бережливостью»[24]. Труд и экономия были объявлены залогом благополучия, как отдельного человека, так и нации в целом. Наполеон III отчасти разделял эту мысль, но в новых реалиях считал ее недостаточной для достижения настоящего успеха, тем более в общенациональном масштабе. Он предложил французам другую формулу: «Работайте и вкладывайте свои накопления!»[25]. Инвестиции, инвестиции и инвестиции – вот что сделает Францию действительно процветающим государством. Таково было искреннее убеждение императора, считавшего, что государство должно действовать в одном направлении с гражданами.

При нем во Франции широкое развитие приобрели кредитные операции, была создана наиболее современная по тем временам банковская система. Парижская биржа, объем операций на которой возрос с 11 млрд. фр. в 1851 г. до 35 млрд, в 1870 г., становится крупнейшим финансовым центром на континенте. По инициативе императора началось введение в обращение нового платежного средства – чеков, получивших вскоре мировое признание.

За годы правления Наполеона III в стране была построена разветвленная сеть железных дорог, общая протяженность которых возросла с 3,8 тыс. км в 1852 г. до 20 тыс. к 1870 г. [26]

---

[23] Относительная стабильность не означала, конечно, исчезновение социальных конфликтов. Рабочие неоднократно выражали недовольство своим положением, организуя забастовки – в марте и июне 1862 г., в феврале 1867 г., в июне и октябре 1869 г., в январе и мае 1870 г. Некоторые из них сопровождались беспорядками и столкновениями с полицией. Однако вооруженных выступлений с кровопролитием отмечено не было.

[24] *Broglie G. de.* Guizot. P., 1990. P. 334. В действительности никто из биографов Ф. Гизо так и не смог найти документального подтверждения приписываемых ему слов, однако легенда оказалась живучей.

[25] *Carteret A.* Op. cit. P. 197.

[26] *Lahlou R.* Napoléon III ou l'obstination couronnée. 3-me éd. P., 2007. P. 73–74.

В целом по уровню экономического развития Франция к концу правления Наполеона III превратилась во вторую (после Англии) мировую державу. За период с 1848 до 1870 г. объем промышленного производства во Франции увеличился в четыре раза по сравнению с предыдущими тремя десятилетиями. Даже столь непримиримый критик НаполеонаШ как К. Маркс не мог не признать, что при нем «буржуазное общество достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах»[27]. Признанием экономических и научно-технических достижений Франции в годы Второй империи стали Всемирные выставки в Париже 1855 и 1867 гг.

Большое внимание правительство Наполеона III уделяло развитию образования. К 1869 г. системой начального и среднего образования в стране было охвачено до 70 % детей (около 6 млн.). Для сравнения – в 1848 г. школы во Франции посещали 3,8 млн. детей. Значительно выросли зарплаты учителей – с 493 фр. 1846 г. до 1 тыс. фр. в 1870 г. За годы существования Второй империи было открыто 78 новых факультетов на 10 тыс. студентов. Тогда же появились знаменитые впоследствии книжные издательства – Гарнье, Файяр, Ашетт, Ларусс, Плои и др.

Париж, перестроенный бароном Османном по инициативе императора Наполеона, именно в годы Второй империи приобрел заслуженную репутацию «столицы мира». Франция стала родиной первых крупных универсальных магазинов – Бон Марше, Базар де л'Отель де Билль, Прэнтан, Самаритэн и др. Все они возникли при непосредственном участии Наполеона III, утверждавшего все градостроительные проекты в Париже. При нем началось строительство Гранд Опера (ныне – Опера Гарнье), помпезное здание которой остается посмертным символом Второй империи.

Главные цели внешней политики Наполеона III состояли в том, чтобы сначала добиться ликвидации ограничений, наложенных на Францию Парижским миром 1815 г., а затем утвердить ведущее положение Франции на европейском континенте. Амбиции императора распространялись еще дальше – на Ближний Восток, в Юго-Восточную Азию и даже в Новый Свет.

Племянник великого завоевателя не мог смириться с границами 1792 г., навязанными Франции победителями в 1814-15 гг. Более того, он хотел, как говорили в XVIII в., «округлить», т. е. расширить французскую территорию – на юге, в итальянском направлении, и к востоку от Рейна. В этом смысле его заявление о том, что «Империя – это мир», сделанное в 1852 г., было не более чем пропагандистской уловкой, призванной успокоить Европу. Намерение Луи-Наполеона изменить соотношение сил в пользу Франции предполагало не только дипломатические, но и военные средства достижения его внешнеполитических целей. Поэтому с момента своего рождения Вторая империя была обречена на войны, которые в конечном итоге приведут ее к гибели, как это случилось с ее предшественницей – Первой империей.

Следуя во всем заветам Наполеона I, продолжатель его дела не одобрял лишь одного – противоборства с Англией. Именно это противоборство, а вовсе не злополучный поход в Россию, по его убеждению, было главной причиной последующей национальной катастрофы. Русская кампания, как считал Наполеон III, была производной от затяжного конфликта с Великобританией, пытавшейся втянуть Россию в орбиту своей антифранцузской политики.

Продолжительное проживание в Англии, где за годы вынужденного изгнания у него появилось множество друзей, близкое знакомство с британской политической культурой сформировало у Луи-Наполеона уважительное отношение к «владычице морей» и «мастерской мира». Он пришел к твердому убеждению, что осуществление его далеко идущих внешнеполитических планов возможно только в тесном союзе с Великобританией, у которой, как он полагал, не было непосредственных территориальных интересов на континенте. Другие евро-

[27] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Указ соч. Т. 17. С. 341.

пейские державы могли быть более или менее полезны для французских интересов – каждая по-своему и, что не менее важно – в свое время.

Какое место в планах Наполеона III отводилось России?

Ответ на этот вопрос, собственно, и составляет одну из главных тем настоящего исследования. Но об этом речь впереди. Пока же можно напомнить об одном эпизоде, имевшем место в период, когда Луи-Наполеон проживал в Англии после побега из форта Ам.

Обосновавшись в Лондоне, Луи-Наполеон развернул активную работу по подготовке очередного заговора с целью свержения Июльской монархии. Направляя действия своих сторонников внутри Франции, он стремился заручиться поддержкой за рубежом. Учитывая «сердечное согласие», установившееся между Лондоном и Парижем после 1830 г., никаких надежд на содействие своим планам со стороны британского кабинета Бонапарта питать не мог. И он сделал ставку на Россию, зная

0 враждебном отношении императора Николая I к Луи-Филиппу. Об этом, в частности, свидетельствуют документы, недавно выявленные автором в Государственном архиве Российской федерации (ГА РФ). Речь идет о конфиденциальной переписке Луи-Наполеона с шефом российской тайной полиции (Третьим отделением) графом Алексеем Федоровичем Орловым, ближайшим сподвижником Николая I[28]. Эта переписка свидетельствует о высокой степени заинтересованности будущего французского императора в установлении личных контактов с Николаем I с далеко идущими политическими целями.

Все началось с того, что в последних числах апреля 1847 г. Луи-Наполеон посетил российского посланника в Лондоне барона Филиппа Ивановича Бруннова и передал ему письмо, адресованное генерал-адъютанту А.Ф. Орлову. В письме он просит Орлова исхлопотать для него у императора разрешение на приезд в Петербург с частным визитом. Эта просьба мотивировалась Луи-Наполеоном его давним желанием познакомиться с Россией и одновременно засвидетельствовать императору Николаю свою признательность за «великодушное» отношение к его матери, проявленное в 1814 г. Александром I.

Намерение Бонапарта не на шутку встревожило сановный Петербург. Государственный канцлер и одновременно глава русской дипломатии граф К.В. Нессельроде, которому Орлов передал полученное из Лондона письмо, настоятельно советовал императору отклонить представлявшуюся ему бестактной просьбу. Формально Луи-Наполеон считался бежавшим из тюрьмы заключенным. По этой причине, как полагал Нессельроде, русский император не мог себе позволить дать аудиенцию государственному преступнику, пусть даже приговор ему вынесен судом «фальшивой монархии». К тому же, с 1846 г. наметилась некоторая тенденция к нормализации российско-французских отношений, что не могло не быть известно Бонапарту. Уже одно это обстоятельство делало, по меньшей мере, нежелательным для императора Николая приезд в Петербург Луи-Наполеона. Царь согласился с доводами Нессельроде.

Вежливый, но недвусмысленный отказ не обескуражил Луи-Наполеона. Он верил в свою звезду и явно рассчитывал на дальновидность русского императора и его министров. Последующее развитие событий со всей очевидностью обнаружит, что лондонский сиделец переоценил способности Николая I и его окружения смотреть хотя бы на два-три года вперед. Даже после Февральской революции 1848 г., похоронившей Июльскую монархию, в Петербурге не склонны были всерьез принимать этого изгоя. Между тем, и депеши российского посланника во Франции Н.Д. Киселева, и донесения парижского резидента Третьего отделения Я.Н. Тол-

[28] См.: «Дело по просьбе Луи Бонапарта о разрешении ему прибыть в Россию. 24 апреля 1847 г. – 19 ноября 1848 г.» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109 (Секретный архив). Оп. 4а. Д. 78. См. также публикацию: Неизвестная переписка Луи-Наполеона Бонапарта с графом А.Ф. Орловым, начальником Третьего отделения (1847–1848 гг.). Публикация, вступительная статья, перевод с франц. и комментарии П. П. Ч*еркасова* // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 9. М… 2009. С. 166–189.

стого свидетельствовали о подъеме бонапартистского движения и росте популярности Луи-Наполеона.

Через месяц после Февральской революции, напугавшей Петербург не меньше, чем Июльская революция 1830 г., Бонапарт, остававшийся пока в Лондоне, но уже готовившийся к возвращению в Париж, предпринимает вторую попытку найти взаимопонимание с Николаем I. При этом он проявляет наивысшую степень доверия к царю, поставив на карту свое политическое будущее.

В конфиденциальном письме на имя графа Орлова от 28 марта 1848 г. Луи-Наполеон говорит, что понимает всю степень угрозы, исходящей от революции во Франции для «спокойствия Европы». Он заверяет Орлова, а через него Николая I, в своих миролюбивых намерениях и в готовности навести во Франции порядок, в котором жизненно заинтересованы все европейские государства. При этом он ссылается на свою растущую популярность во Франции. Но для восстановления порядка ему требуется не только доверие, но и деньги. «Имея в своем распоряжении один миллион франков в год до достижения поставленной цели, автор этих строк берется быстро достичь желаемых результатов в интересах как можно более скорого установления спокойствия в Европе, – пишет Луи-Наполеон. – По серьезности моего демарша пусть судят о серьезности интересов! По моему глубокому доверию к Вам пусть судят об искренности моих чувств!», – добавляет он.

И, действительно, такое безграничное доверие Луи-Наполеона к сохранявшим ледяную сдержанность русским адресатам не может не поражать. Если бы это письмо каким-то образом получило огласку, то репутация и политическое будущее его автора были бы безвозвратно погублены. Он никогда не стал бы ни президентом, ни императором. Более того, ему бы даже не позволили вернуться во Францию. Скорее всего, он провел бы остаток жизни в изгнании, презираемый всеми.

Как объяснить такую степень откровенности Луи Наполеона с Николаем I?

Здесь можно предположить две причины. Во-первых, как видимо, полагал Луи-Наполеон, никто в Европе не опасался возможных последствий Февральской революции больше, чем русский царь, который должен быть заинтересован в локализации и последующей ликвидации революционного взрыва. Во-вторых, готовя свое возвращение во Францию, Луи-Наполеон лихорадочно искал деньги для реализации своих далеко идущих замыслов, не имевших ничего общего с планами «февральских» революционеров-республиканцев. Он искренне надеялся, что осознание нежелательных международных последствий революции во Франции должно подтолкнуть царя на оказание финансовой помощи единственному человеку, способному укротить революционную стихию, как это сделал Наполеон Бонапарт 18 брюмера 1799 г.

Но в Петербурге словно не замечали протянутую руку дружбы. Там, как свидетельствует обнаруженная переписка, по-прежнему не желали всерьез воспринимать Луи-Наполеона как перспективную политическую фигуру, видя в нем лишь сбежавшего из тюрьмы преступника. Недалекое будущее покажет, что не только в либеральном Лондоне, но даже в полуабсолютистских Вене и Берлине найдутся более трезвомыслящие политики, свободные от легитимистских предрассудков.

Так или иначе, но Николай I отказал Луи-Наполеону в финансовой поддержке. Не слишком вежливый отказ последовал и на другую просьбу Бонапарта – принять в Петербурге его доверенное лицо, банкира Аристида Феррера, уполномоченного провести переговоры о возможной покупке для Эрмитажа коллекции картин и предметов антиквариата, оставшихся у Луи-Наполеона после смерти матери общей стоимостью 21 400 английских фунтов стерлингов. В паспорте на въезд в Россию Ферреру было решительно отказано, а в личной беседе с Луи-Наполеоном барон Бруннов заявил, что «музей Эрмитаж весьма богат картинами и… не нуждается в новых приобретениях». Все это происходило в конце августа 1848 г., всего лишь за месяц до триумфального возвращения Луи-Наполеона во Францию.

Интересно, как бы повел себя Николай I, если бы знал, что через три месяца, в декабре 1848 г., Луи-Наполеон станет президентом Французской республики, а затем и императором Франции?.. Впрочем, это вопрос риторический.

Так или иначе, но первоначальные надежды Бонапарта на Россию потерпели неудачу. Но не менее очевиден и политический просчет Николая I в отношении Луи-Наполеона. Этот просчет, допущенный в 1847–1848 гг., был усугублен в последующие годы, предшествовавшие Крымской войне, когда Россия и Франция впервые после 1814 г. скрестили оружие[29].

Новую попытку наладить отношения с Россией Наполеон III предпринял с воцарением Александра II. О том, какие цели он при этом преследовал, пойдет речь в следующей главе.

* * *

Краткое обозрение жизненных путей двух императоров к тому времени, когда, на исходе Крымской войны, государственные интересы поставили в повестку дня вопрос о том, какой характер оба государя желали придать двусторонним отношениям между Россией и Францией, обнаруживает как определенное сходство, так и существенные отличия в их воспитании, характере, привычках и вкусах, в жизненном опыте, наконец, в политических воззрениях и идеалах.

По рождению оба они принадлежали к царствующим династиям, правда, Луи-Наполеону совсем недолго пришлось пользоваться преимуществами своего привилегированного положения. В неполные шесть лет, с падением Первой империи, у него началась другая жизнь, закалившая характер и сформировавшая личность, которая твердо знала, к чему она стремится. Восстановление империи и возвращение Франции значения ведущей европейской державы стало тем «Великим замыслом» (“le Grand dessein”), осуществлению которого будет подчинена вся жизнь Луи-Наполеона.

Суровая жизненная школа, усвоенный им опыт Французской революции, наконец, знакомство с политическими идеями, провозглашавшими социальную справедливость, привели Луи-Наполеона к убеждению в необходимости построения такого общества, в котором извечно существующие классовые и социальные антагонизмы, если и не могут быть окончательно преодолены, то должны быть смягчены. Именно этой цели будет подчинена социальная политика императора французов. В этом отношении он, безусловно, был крупным реформатором, инициировавшим социально-экономическую модернизацию Франции.

Александр II, как известно, тоже был реформатором, но несколько иной направленности. Наследник тысячелетней монархии, он был убежденным поборником самодержавных устоев, считая своим священным долгом их сохранение и укрепление. Перед ним был пример служения России, которому он всегда стремился подражать – его отец, император Николай I.

Школа воспитания, которую он прошел под руководством В.А. Жуковского, сформировала у Александра гуманные, можно сказать, возвышенные представления о выпавшей на его долю миссии, но, в отличие от Луи-Наполеона, к моменту восшествия на престол он не имел никакой программы действий, кроме завещанного умирающим отцом напутствия – «Держи все…». Трудно сказать, стал бы он вообще великим реформатором, каким остался в истории России, если бы не Крымская катастрофа, вскрывшая гнойник накопившихся за десятилетия проблем и поставившая молодого императора перед неотложной необходимостью модернизировать страну.

Вот здесь-то и оказались востребованными плоды просвещения, полученные Александром от Жуковского и подобранных им либерально мыслящих учителей и наставников. Александр оказался подготовленным для того, чтобы принять вызов времени и ответить не него

[29] См. об этом: *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941; *Черкасов П. П.* Николай I и Луи Наполеон Бонапарт (1848–1852 гг.) // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 124–165.

глубоко продуманными реформами, существенно изменившими весь облик России. Правда, в отличие от императора французов российский самодержец не размышлял над социальными вопросами. Все его мысли были направлены на то, чтобы преодолеть опасную отсталость России от ведущих европейских держав, дать толчок ее ускоренному экономическому развитию, модернизировать политическую систему, но при этом сохранить самодержавие, дав ему второе дыхание.

Принципиально отличной была природа власти Александра I и Наполеона III. В первом случае – «Божьей милостью Самодержец всея Руси», унаследовавший престол от августейших предков, во втором – «Император французов», достигший верховной власти в результате государственного переворота и последовавшего всенародного волеизъявления на референдуме. К этому можно добавить, что Вторая империя, как и Первая, вышли из революций: одна – из 1848 года, другая – из 1789-го.

Революционные истоки бонапартистского режима, а в еще большей степени его имперские притязания, в частности, плохо скрываемое намерение исправить «несправедливые» границы, навязанные Франции в 1815 г., не могли не настораживать Александра II, одного из гарантов порядка, установленного Священным союзом в Европе.

Казалось бы, все это исключало саму возможность конструктивного диалога между Александром и Наполеоном, тем более на фоне войны, которая продолжалась и после смерти императора Николая, хотя с падением Севастополя в августе 1855 г. военные действия в Крыму практически прекратились. Тем не менее, именно Крымская война станет поворотным моментом в отношениях между Россией и Францией.

Глава 2
Парижская прелюдия: за кулисами конгресса 1856 года

Зондаж Наполеона III

Известие о том, что 2 марта 1855 г., вскоре после полудня, в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце скончался император Николай I, пришло в Париж по телеграфу вечером того же дня. Новость эта прозвучала в Тюильри, словно удар грома при ясном небе. Никто в окружении Наполеона III не знал, что 58-летний царь, всегда отличавшийся богатырскими здоровьем, последние две недели провел в постели, страдая от жестокой простуды, которая и свела его в могилу.

А в это время 70 тысяч французов, англичан и турок, на помощь которым ожидалось прибытие 15-тысячного корпуса пьемонтцев, осаждали в Крыму Севастополь. За спиной союзников уже была победа при Альме, впереди – взятие Балаклавы, Инкермана и Евпатории, но под Севастополем на исходе сентября 1854 г. они натолкнулись на ожесточенное сопротивление русских. Попытка штурма города-крепости потерпела неудачу, а начавшаяся осада затянулась на неопределенный срок, что крайне нервировало императора французов, желавшего поскорее, – но, конечно же, не раньше, чем город будет взят, – покончить с разорительной для казны и затратной по потерям войной[30].

Племянник великого Наполеона мечтал лишь об одном – о реванше за национальное унижение 1812–1815 годов. В его планы не входило ни отторжение от России Кавказа, как того желал глава британского кабинета лорд Пальмерстон, ни ликвидация приобретений Екатерины II в Северном Причерноморье, к чему стремилась Порта, ни чрезмерное ослабление Российской империи, что было опасно для нарушения европейского равновесия. Достаточно было склонить Россию к миру сразу же после падения Севастополя. Одно время Наполеон III намеревался даже отправиться в Крым, чтобы лично возглавить командование войсками, но по ряду причин, в частности, из опасений республиканского переворота в Париже во время его отсутствия, вынужден был отказаться от этой идеи[31].

«…Общественное мнение во Франции восставало против отдаленной и разорительной войны, в которой английские интересы были замешаны непосредственнее, нежели французские, – писал один из первых историков Крымской войны, видный русский дипломат барон А.Г. Жомини, современник событий. – Партии волновались, и это обстоятельство было одной из причин, почему поездка императора Наполеона была отложена. Ему доказывали, что его отсутствие послужит сигналом к революционному движению против его династии»[32].

Опасения не были лишены оснований. 28 апреля 1855 г. на императора было совершено покушение, когда он верхом направлялся на прогулку в Булонский лес. Некий Джованни Пианори, бывший гарибальдиец, эмигрировавший во Францию, дважды выстрелил в Наполеона, но промахнулся. Приговоренный к смерти, итальянский карбонарий принял ее со словами: “Vive la Republique!”, что было воспринято обществом как прямой вызов бонапартистской империи. Так или иначе, но поездка императора в Крым не состоялась.

---

[30] Основные потери союзнический экспедиционный корпус в Крыму нес от инфекционных болезней – дизентерии, холеры и тифа. Ежедневная смертность в рядах союзников составляла в среднем 250 человек.

[31] *Castelot A.* Napoléon III. L’aube des Temps modernes. P., 1999. R 250–265.

[32] *Жомини А.* Россия и Европа в эпоху Крымской войны // Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 562.

Новость о смерти царя вызвала бурную реакцию на парижской Бирже, с началом войны пребывавшей в затянувшейся апатии. Котировки акций и облигаций, в особенности русских, резко подскочили в цене. Поползли слухи о скором прекращении войны. Оптимизм финансистов быстро передался журналистам и политикам, включая оппозиционных. Многие из них утверждали, что молодой русский император, будучи наследником престола, якобы противился войне, не одобряя политику своего отца. Парижские журналисты, по-видимому, идя от обратного, безоговорочно наделяли Александра Николаевича качествами, противоположными тем, которые были свойственны Николаю I – мягкость, человечность, уступчивость и нерешительность, граничащие со слабохарактерностью, наконец, природное миролюбие, что в сложившихся обстоятельствах представлялось самым важным.

Пока политический бомонд Второй империи строил всевозможные, зачастую фантастические, предположения на счет Александра II, император французов уже 3 марта предпринял тайный зондаж настроений и намерений нового царя – склонен ли он продолжать или прекратить Восточную войну. Наполеон пригласил в Тюильри для конфиденциальной беседы саксонского посланника Л. фон Зеебаха, по неслучайному совпадению доводившегося зятем российскому канцлеру графу Карлу Васильевичу Нессельроде. Наполеон попросил Зеебаха срочно изыскать способ передать его тестю, а через него – императору Александру свои искренние соболезнования в связи с кончиной императора Николая, к которому он, Наполеон, всегда испытывал самые искренние симпатии и о разрыве с которым в 1854 г. искренне сожалеет.

Сигнал, посланный из Тюильри, вскоре достиг Зимнего дворца, где его восприняли должным образом, как на то и надеялся император французов. Александр II поручил Нессельроде через Зеебаха довести до сведения Наполеона III, что весьма тронут его вниманием к горю, постигшему Россию и императорскую фамилию, и что, со своей стороны, сожалеет о разрыве отношений между двумя странами и дворами. Впрочем, просил передать Александр, это дело поправимое, так как «мир будет заключен в тот же день, как того пожелает император Наполеон»[33].

Луи-Наполеон с удовлетворением воспринял реакцию Александра на свою инициативу, но занял выжидательную позицию. Прежде над бастионами поверженного Севастополя должен подняться французский триколор, и только после этого морального удовлетворения император французов мог предложить мирные переговоры, пусть даже вопреки желанию британского союзника, жаждавшего продолжения войны. Порта, хотя и была крайне ослаблена, тем не менее, надеялась в ходе летней кампании 1855 г. на Кавказе разблокировать осажденный русскими Карс и затем вытеснить их из Грузии. В этом намерении турок энергично поощрял Пальмерстон, склонявший Наполеона к отправке на Кавказ значительных подкреплений в помощь армии Омер-паши. «Наполеон III, – справедливо заметил по это поводу академик Е.В. Тарле, – совсем не хотел тратить своих дивизий в кавказских горах без малейшей пользы для Франции, только затем, чтобы укрепить против России подступы к Герату и к английской Индии»[34].

Его взор был прикован исключительно к Севастополю, осада которого тем временем вступала в завершающую стадию. 16 августа 1855 г. союзники нанесли поражение русским войскам под командованием генерала М.Д. Горчакова у р. Черная, к юго-востоку от Севастополя. Вслед за этим французы, потеряв в сражении 7500 убитыми и ранеными, сумели овладеть господствовавшим над городом Малаховым курганом, что вынудило русский гарнизон 8 сентября оставить Севастополь, затопив последние корабли и взорвав остававшиеся укрепления. С падением Севастополя военные действия в Крыму фактически прекратились.

---

[33] Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133 (Канцелярия). Оп. 469. 1855 г. Д. 175. Л. 40–42.

[34] *Тарле Е.В.* Соч. в 12 т. М., 1959. Т. IX. С. 481.

Некоторое время они еще продолжались на Кавказе, где на исходе ноября 1855 г. турки сдали генералу Н.Н. Муравьеву осажденный Карс со всем вооружением. В русском плену оказался 16-тысячный турецкий гарнизон, в составе которого находилось немалое число «иностранных выходцев» – венгров, поляков и др. Взятие Карса фактически завершило войну на Кавказе. Окончательно обессилевшая Турция была уже не в состоянии ее продолжать. Воинственные настроения обнаруживал лишь лорд Пальмерстон, глава кабинета королевы Виктории.

Тем временем в европейских дипломатических кругах с ноября 1855 г. начали циркулировать слухи о каких-то секретных контактах, завязавшихся между Наполеоном III и Александром II. Особое беспокойство обнаруживали в Лондоне, где всё еще надеялись удержать французского союзника в орбите войны.

Эти слухи имели под собой веские основания. Инициатором конфиденциальных контактов выступил император французов, посчитавший, что с взятием Севастополя он мог считать себя полностью удовлетворенным. 13 сентября в соборе Парижской Богоматери в присутствии императора был отслужен благодарственный молебен. Служивший мессу монсеньор Сибур, архиепископ Парижский, обращаясь к прихожанам, объявил о предстоящем в самом скором времени заключении почетного и прочного мира. Наполеон явно не желал продолжать войну, в которой Франция уже потеряла 95 тыс. человек[35], – во многом ради осуществления амбициозных геополитических планов лорда Пальмерстона. «…Наполеон чувствовал, что он достиг до кульминационного пункта своей политики, – писал по этому поводу барон А. Жомини; – ему предстоял выбор между путем приключений, ведущим посредством затягивания войны к потрясению Европы, и переделке ее карты с помощью Англии и революции, или путем консервативной политики, основанной на мире и сближении с Россией. По-видимому, он склонялся к последнему. Кроме внутренних и финансовых затруднений…, он казался утомленным от сообщничества с Англией. Он не отказывался от союза с могущественным соседом, но политический инстинкт подсказывал ему, что Англия никогда не поддержит искренно ни одного национального французского интереса. До сих пор в Восточной войне он действовал скорее в пользу Англии, нежели Франции»[36]. Теперь император решил действовать исключительно в своих интересах.

Вскоре после взятия войсками генерала Муравьева турецкой крепости Карс русский посол в Вене князь А.М. Горчаков был проинформирован австрийским финансистом Сину, что его парижский деловой партнер Эрланже (Эрлангер) просил его передать мнение графа де Мории, сводного брата Наполеона III о желательности начала мирных переговоров с Россией. Горчаков немедленно известил Петербург о демарше Мории и, не дожидаясь ответа, по тому же каналу – через Сину и Эрланже – сообщил графу де Мории, что разделяет его мнение о желательности прямого диалога с Францией.

«Я убежден, – писал Горчаков, что император Луи-Наполеон, просвещенный опытом и ведомый духом здравого смысла и умеренности, не захочет встать на путь бесконечных завоеваний, как это делал его великий дядя. Позволю себе напомнить, – продолжал русский посол, – что вершиной могущества Наполеона I было время его тесного единения с Россией. Не задаваясь мыслью о возврате к этим героическим временам, я верю, что мы с господином де Мории, по мере наших сил, могли бы способствовать величию наших двух стран путем их устойчивого сближения. Необходимо только, чтобы основы этого сближения соответствовали обоюдному

[35] Собственно боевые потери французов в Крыму за период военных действий составили 20 тыс. человек. Остальные 75 тыс. умерли от эпидемических заболеваний. См. *Gouttman A.* La guerre de Crimee 1853–1856. P., 1995. P. 479.

[36] Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 586.

достоинству двух народов»[37]. Горчаков имел в виду, что Россия вправе надеяться на содействие Франции в выработке более приемлемых для нее условий мирного договора.

В ответном письме Мории в принципе соглашался с Горчаковым, но просил его учесть, что Франция не свободна в определении условий мира, как того хотелось бы. Она связана союзническими обязательствами с Англией, не говоря уже о Турции, Сардинии, а также Австрии, подписавшей в декабре 1854 г. договор с Парижем и Лондоном о защите Молдавии и Валахии от русских притязаний. К тому же, после взятия Севастополя император французов не может согласиться на условия более мягкие, чем те, которые были выставлены в самом начале войны[38]. Единственно, чего можно было бы достигнуть в сложившейся ситуации, по мнению Мории, – заменить ограничения русских военно-морских сил в Черноморском бассейне «нейтрализацией» Черного моря. Подобная альтернатива, как полагал Мории, представляется менее оскорбительной для национального самолюбия России[39].

Предвидя возможные возражения, Мории уточнил свою мысль: «Что же представляет собой эта мера? Обратимся к истории. Когда после военных поражений от той или иной державы требуют крупных денежных жертв (т. е. контрибуций. – *П. Ч.*), то этим причиняют ей значительный финансовый ущерб. Когда ей навязывают территориальные уступки, то этим уменьшают ее значение, быть может, даже навсегда. Но когда ей предписывают, в сущности, только такие иллюзорные условия, как ограничение сил, то, коль скоро она нуждается в мире, ей не следует их отвергать. Не впервые подобные условия включаются в мирный договор, – успокоительно утверждал Мории. – Как долго они соблюдаются? Пройдет всего лишь несколько лет, и все изменится: интересы поменяются, ненависть исчезнет, восстановятся добрые отношения, благодеяния мира излечат раны войны, и подобные договоры отомрут сами собой, не имея применения. Часто бывало даже так, – обнадеживающе завершал свою мысль граф де Мории, – что та же самая страна, которая настаивала на ограничении сил, первой предлагала их отменить»[40].

Все шло к тому, что Горчаков должен был в конфиденциальном порядке встретиться с бароном де Буркене, французским представителем на конференции послов, созванной в Вене еще осенью 1854 г. для обсуждения перспектив мирного окончания войны[41]. Не исключалась и возможность личной встречи Горчакова и Морни в Дрездене. В это время, в середине декабря 1855 г., из Петербурга в российское посольство в Вене пришло неожиданное распоряжение канцлера Нессельроде о прекращении контактов с Морни. Канцлер проинформировал посла, что отныне сам будет вести конфиденциальные переговоры, но не с Морни, а с министром иностранных дел Франции графом Александром Валевским. Он намеревался это делать при посредничестве своего зятя, упоминавшегося уже саксонского дипломата фон Зеебаха.

Вмешательство Нессельроде можно было бы объяснить его давним нерасположением к Горчакову. Долгое время он препятствовал карьере талантливого дипломата, держал его на второстепенных постах. В июне 1855 г. Нессельроде возражал против назначения Горчакова послом в Вене, но Александр II настоял на своем. Теперь, когда князь Александр Михайлович стал нащупывать возможности достойного для России выхода из войны, граф Карл Васильевич,

---

[37] *Momy, Due de.* Extrait des Memories. Une ambassade en Russie, 1856. P., 1892. P. 10–11.

[38] Речь идет о т. н. «четырех пунктах» Наполеона III, сформулированных 18 июля 1854 г.: совместный протекторат Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии над Дунайскими княжествами, временно оккупированными австрийскими войсками; равное покровительство пяти упомянутых держав над всеми христианами Оттоманской империи; коллективный пятисторонний надзор и контроль над устьями Дуная; пересмотр договора 1841 г. европейских держав с Турцией о проходе судов через Босфор и Дарданеллы.

[39] *Momy, Due de.* Op. cit. P. 19–22.

[40] Ibid. P. 22–23.

[41] Ibid. P. 26–27.

видимо, посчитал несправедливым, что лавры миротворца достанутся не ему, заслуженному ветерану европейской политики, а Горчакову.

Есть и другое объяснение действий Нессельроде, связанное с его неискоренимой приверженностью к давно обветшавшему союзу с Австрией. Между тем, с конца 1854 г. Вена стала фактическим союзником Парижа и Лондона, чем обнаружила вероломство и неблагодарность к России, спасшей Габсбургов в 1849 г. «По-видимому, – отмечается в отечественной «Истории дипломатии», – Нессельроде упрямо тешил себя иллюзией, что солидарность держав Священного союза продолжает существовать, и считал, что нехорошо сговариваться за спиной «дружественной» Австрии»[42].

Так или иначе, но искушенный во всех тонкостях дипломатической игры граф Нессельроде, допустил «утечку» информации о негласных контактах с Францией. Первыми об этом узнали австрийский император Франц-Иосиф и глава его кабинета граф К.Ф. фон Буоль, крайне озабоченные, чтобы Австрия не была забыта при мирном окончании войны. Они срочно занялись изготовлением дипломатической «бомбы», взрыв которой должен был поменять неблагоприятно складывавшуюся для Австрии обстановку.

Тем временем Нессельроде отправил в Париж своего саксонского зятя с тремя предложениями: Босфор и Дарданеллы должны остаться закрытыми; военный флот «посторонних» держав не может быть допущен в Черное море, за исключением судов, которые прибрежные государства сочтут возможным туда допустить; число этих судов определят Россия и Турция на двусторонней основе, без постороннего посредничества.

Пока Зеебах добирался до Парижа, в Тюильри испытали нечто вроде шока от того, что Россия не сохранила в тайне начавшиеся франко-российские консультации об условиях прекращения войны. Графа Валевского посетил австрийский посол барон фон Хюбнер, обнаруживший осведомленность о негласных контактах Мории с Горчаковым, и поразивший главу французской дипломатии сообщением о полной готовности Австрии окончательно присоединиться к антирусской военной коалиции и даже предъявить России нечто вроде ультиматума.

Наполеон III оказался в весьма щекотливой ситуации и имел все основания негодовать на труднообъяснимое поведение русских. Он дал указание Валевскому не вступать в переговоры с Зеебахом, дав понять петербургскому эмиссару о своем недовольстве.

Австрийская заготовка «взорвалась» за несколько дней до наступления нового, 1856 г., когда к канцлеру Нессельроде явился на прием австрийский посланник граф В.Л. фон Эстергази, только что прибывший из Вены, и вручил ультимативные требования («коммюнике») императора Франца-Иосифа об условиях прекращения войны, неприятие которых повлечет за собой разрыв дипломатических отношений с Россией. Повторяя известные «четыре пункта» Наполеона III 1854 г., австрийский ультиматум дополнил их требованием полной нейтрализации Черного моря и запретом содержать на побережье морские крепости и другие военные арсеналы. В документе оговаривалось также право участников антирусской коалиции предъявлять России новые требования «на общую пользу Европы»[43]. Россия должна принять предъявленные ей условия мира до 18 января (и.с.). В противном случае антирусская коалиция расширится за счет вступления в нее Австрии.

Вскоре после демарша, предпринятого Эстергази в Петербурге, граф Буоль в Вене пригласил к себе князя Горчакова и объявил послу, что во избежание возможных недоразумений и неправильных его толкований ультиматум должен быть принят целиком, без всяких исключений[44]. Таким образом, российской стороне не оставлялось даже минимальной возможности

[42] История дипломатии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 1959. С. 664.

[43] К истории Парижского мира 1856 г. // Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 58–59.

[44] История внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1995. С. 412.

для дипломатического маневра. Тот факт, что ультиматум был предъявлен недавним, причем ближайшим, союзником, глубоко ранил самолюбие Александра II и явился полной неожиданностью для канцлера Нессельроде, убежденного поборника австрийского союза.

В результате двух совещаний, состоявшихся 1 и 15 января 1856 г. у Александра II с участием его ближайших сподвижников – великого князя Константина Николаевича, графа К.В. Нессельроде, военного министра князя В.А. Долгорукова, министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева, генерал-адъютантов князя М.С. Воронцова и графа А.Ф. Орлова, а также статс-секретаря графа Д.Н. Блудова и барона П.К. Мейендорфа, бывшего посланника в Вене, – было принято решение согласиться с предъявленными условиями формального прекращения войны[45]. Не имея возможности ее продолжать в связи с истощением материальных ресурсов, Россия могла попытаться, как сказал на совещании Нессельроде, «рассеять коалицию, составленную из разнородных и антипатичных элементов и связываемую лишь требованиями общей борьбы»[46].

Скорее всего уже тогда главную ставку в достижении этой цели русская дипломатия предполагала сделать на Францию – единственную из держав коалиции, обнаруживавшую миролюбивые намерения.

16 января государственный канцлер объявил австрийскому посланнику о принятии предварительных условий мира, выдвинутых венским двором[47]. В тот же день Эстергази по телеграфу проинформировал свое правительство о согласии России, а 20 января на конференции послов в Вене был подписан протокол, по которому воюющие державы обязались в трехнедельный срок направить на мирный конгресс в Париж своих уполномоченных для заключения перемирия и подписания мирного договора.

Главным уполномоченным от России Александр II назначил своего генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова, начальника Третьего отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. В помощь ему был придан опытный дипломат барон Ф.И. Бруннов, получивший статус второго уполномоченного.

---

[45] См. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 146–150.

[46] Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 601.

[47] Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 12.

Граф Орлов и барон Бруннов

Алексей Федорович Орлов (1786–1861)[48] принадлежал к дворянскому семейству, выдвинувшемуся в начале царствования императрицы Екатерины II, восхождению которой на престол в 1762 г. братья Орловы (Григорий, Алексей, Владимир, Иван и Федор) активно содействовали. Алексей Федорович, как и его брат, Михаил, были внебрачными сыновьями генерал-поручика Федора Григорьевича Орлова, который добился от Екатерины признания для своих «воспитанников» всех прав дворянства, фамилии и герба Орловых.

Получив образование в аристократическом пансионе аббата Д.Ш. Николя, Алексей Орлов в 1801 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а через три года был зачислен в лейб-гвардии Гусарский полк, в составе которого принимал участие в кампаниях 18051807 гг.

За отличие под Аустерлицем Орлов был пожалован золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1809 г. он перешел в лейб-гвардии Конный полк, в списках которого числился до конца жизни.

В Отечественную войну Орлов участвовал во многих сражениях, а под Бородином получил семь ранений. С января 1813 г. он был адъютантом великого князя Константина Павловича и храбро сражался под Лютценом, Баутценом, Кульмом и Дрезденом, за что был произведен в полковники, а затем принял участие в походе во Францию. В 1814 г. Орлов вышел в отставку, но через год вернулся на службу. В 1817 г. он получил генеральский чин. В отличие от своего старшего брата Михаила, участвовавшего в тайных декабристских обществах, Алексей был твердым противником всякого либерализма, не терпел неподчинения властям, хотя, повинуясь тогдашней моде, не избежал краткого пребывания в масонской ложе, куда попал под влиянием тестя, генерала А.А. Жеребцова.

В 1819 г. он был назначен командиром лейб-гвардии Конного полка, в 1820-м стал генерал-адъютантом, а через год получил под командование 1-ю бригаду гвардейской Кирасирской дивизии с оставлением за ним начальства над Конным полком. В 1820 г. он участвовал в подавлении восстания в Семеновском полку, а 14 декабря 1825 г. первым из полковых командиров пришел на помощь Николаю Павловичу и лично водил конногвардейцев в атаки на каре мятежников. Поведение Орлова в тот критический для молодого императора день было отмечено Николаем I. 25 декабря 1825 г. он возвел Алексея Федоровича в графское достоинство и, снисходя на его мольбы, освободил от судебного преследования Михаила Орлова, замешанного в декабрьском «злоумышлении». Это был единственный случай, когда Николай простил непосредственного, к тому же еще и видного, участника заговора.

В последующие годы генерал-лейтенант (с 1833 года – генерал от кавалерии), а с 1836 г. член Государственного Совета, Алексей Федорович Орлов становится одним из самых приближенных сановников императора Николая, доверявшего ему ответственные миссии военного и дипломатического характера. По поручению государя, Орлов неоднократно замещал Бенкендорфа на время его болезни во главе Третьего отделения, а в 1844 г., со смертью графа Александра Христофоровича, был назначен на его должность, присовокупив к ней пост командующего Императорской Главной Квартирой.

---

[48] См. о нем: *Петров А.Л.* Орлов Алексей Федорович // Русский биографический словарь. Т. Обезьянинов – Очкин. М., 1905. Репр. воспроизв. М., 1997. С. 330–341; *Кудрявцева Е.П.* Любимец императора Николая I. А.Ф. Орлов и его миссия на Ближнем Востоке // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 165–180; *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 31–35; *Чукарев А.Г.* Тайная полиция России 1825–1855. М., 2005. С. 173–188.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.